

Досужие рассказы Сатаны



***Дан
Берг***

18+

Дан Берг

Досужие рассказы Сатаны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66169068

SelfPub; 2021

Аннотация

Подлинное имя Сатаны – Сатан. Возможно, не все знают, что Сатан – это ангел, причем ангел высокого ранга в иерархии Небесного воинства. Повествование ведется от первого лица, то есть от лица Сатана. Автор надеется позабавить читателя рассказами Сатана.

Дан Берг

Досужие рассказы Сатаны

Вместо предисловия

Настоящие рассказы записаны со слов Сатаны. Сразу следует оговориться: подлинное имя Сатаны – Сатан. Под этим именем он фигурирует в книгах-первоисточниках, так он сам называет себя, и в дальнейшем мы будем величать его также.

Возможно, не все знают, что Сатан – это ангел, причем ангел высокого ранга в иерархии Небесного воинства. Комментаторы Священного Писания изобразили Сатана в неприглядном свете, как злого антипода доброму Богу. Такое представление с веками превратилось в головах людей в стойкое предубеждение. Сам Сатан глубоко огорчен этим фактом и выражает робкую надежду, что его рассказы уничтожат несправедливую предвзятость.

Сатан настаивает на том, что инакомыслие вовсе не является грехом и верно служит делу прогресса во всех без исключения сферах.

Повествование ведется от первого лица, то есть от лица Сатана. На Небесах двенадцатикрылый ангел Сатан считает-

ся главным экспертом по земным делам, ибо по долгу службы ему часто приходится спускаться к людям.

Беспристрастный читатель несомненно обратит внимание на лучшие качества Сатана – скромность, благонамеренность, волю к справедливости, самокритичность. Рассказанные Сатаном правдивые истории расширят читательский кругозор, возбудят фантазию, укрепят в вере, нацелят на четкое разграничение добра и зла.

Это краткое вводное слово написал Дан Берг по поручению Сатана, автора рассказов.

Счастливый конец

1

Непростая, однако, история приключилась в городе. Хорошо еще, что один из героев сей правдивой повести, томясь отчаянной безысходностью, обратился ко мне за помощью. Вот как было дело.

На нарядной улице, предназначенной для горожан солидных и состоятельных, где ежегодно в один из весенних дней посланец общины мел тротуар и даже мостовую, убирая с глаз почтенных обитателей трупы окоченевших в зимние холода кошек и птиц, где располагалась центральная синагога с примыкающим к ней домом учения, проживала в добротном бревенчатом доме некая молодая семья.

Глава дома Давид и супруга его Михаль благодетельствованы были тремя малышами погодками. Давид слыл примерным семьянином, а Михаль ничуть не уступала мужу своим благонравием. Детишки, всегда образцово ухоженные, сытые, чисто одетые, с сухими носами, крутились во дворе и в играх познавали окружающий мир.

Давид не имел иного занятия, кроме постижения Торы. Поутру он отправлялся в синагогу и в дом учения и денно и ночью всматривался в мелкие буковки Священных книг, умом и сердцем впитывая вселенскую мудрость. Впрочем, иногда он отлучался по каким-то неизвестным делам. Михаль управляла хозяйством, приходящей служанкой и малолетками. Она взяла на себя каторжный труд отвечать на детские вопросы, а на ночь учила малышей простым молитвам и рассказывала им сказки.

Безбедная жизнь супругов зиждилась на щедротах отца Михаль, преуспевающего купца. А то как бы иначе мог позволить себе молодой глава семейства сидеть над книгами, не имея ни ремесла в руках, ни капитала торгового? Давид происходил из дома бедного, и потому его родитель настаивал, чтобы сын с молодых ногтей прикипел к Торе, ибо слава знатока Священных книг есть верный путь к обеспеченной жизни под крылом богатого тестя. К счастью, отрок отличался

усердием и преуспевал в учении.

Давид не был прекраснодушным идеалистом, он с готовностью внял мудрости отца, а женившись на Михаль, охотно принимал помощь ее родителя, как по праву положенное ему воздаяние, ибо войдя в богатую, но полуграмотную купеческую семью, он доставил ей почет и признание в мире знатоков Торы. Ему нравилась жить в достатке, но беспокоила нетвердость положения. Нужен был собственный золотой родник, а таковой не бьет из скалы учения.

Раз-другой мне доносили помощники, что видели Давида в компании недостойных личностей, и якобы он шептался с людьми этими о чем-то, и лица у всех были заговорщические, словно задумали темное дельце. Но я противник превентивных шагов. Ничего худого Давид пока не совершил. Пусть сперва проштрафится, тогда и придет время суда!

Люди болтают, дескать, Сатан потворствует греху, а потом, злорадствуя, празднует расправу. Ложь! Я не подстрекаю, но и рук не связываю. Чтоб человеку выбирать, Бог дал ему разум и свободу. Прекрасный дар, и пусть каждый пользуется им по свойству нутра своего. Я решил ждать, не поступит ли какая знаменательная весть – тогда и действовать.

2

Теперь пришло время рассказать о предыстории женить-

бы наших героев. Давид – особа рационального склада, и романтические фантазии никогда не тревожили знатока Писания и сребролюбца. У Михаль же душа иного строя. В девичестве сердце ее наполнилось тайной любовью к Ётаму, молодому парню, круглому сироте, бойкому умом и смышленно-му в делах практических.

Не до учения было Ётаму, да и не его это стезя, зато он преуспевал на торговой службе в большой одежной лавке. Ни один гость не уходил с пустыми руками, ибо отменный приказчик очаровывал покупательниц обаятельным обращением, а убедительностью речей убеждал покупателей. Разумный хозяин заведения ценил своего наймита и не скупился на жалование.

Тонкая душа Ётама откликнулась на зов сердца Михаль, и он полюбил девицу. Ах, если бы он мог жениться на ней! Случайно встречаясь, они выразительно поглядывали друг на друга, робко улыбались, а раз даже обменялись записками. Но дальше надушенных листочков бумаги дело не пошло. Не любовь, но родительская воля приказывает девицкому сердцу.

Михаль вышла замуж, а Ётам оставался холостяком, храня верность первому чувству. Она по-прежнему любила его, но что могла поделать благонравная мужняя жена? Совсем

немного. Исправно, каждую пятницу она вместе с выводком заходила в одеждуную лавку и покупала деткам то платье, то костюмчик, то туфельки. Соседки дивились, как часто Михаль обновляет гардероб своих чад, но, подумать только, ни о чем не догадывались!

Часто видя малышей, Ётам любил их, словно своих. Подолгу, не торопясь примерял на них обновки, подавал дельные советы мамаше, сам подправлял, укорачивал, удлинял, переставлял пуговицы. Этот час пятничным утром целую неделю наполнял сладостью и тоской два болящих сердца.

Михаль всё тосковала, всё думала. Вот ведь Ётам любит ее, а Давид холоден. Чужой дядька привечает деток, а родной отец едва ли помнит как зовут крошек. Бедной женщине поневоле рисовались разного рода спасительные повороты судьбы, и нечестивые мечты посещали добропорядочную Михаль. Мне же, Сатану, не пристало мешать полету фантазии любящего сердца. Мечта – одна из ипостасей свободы, а свободу я ставлю выше благочестия. Тем более, что оно лицемерно по природе своей.

3

Честный Ётам желал обладать Михаль, но не делал возлюбленной недостойных предложений. Не с кем ему было посоветоваться – кругом святоши да ханжи! Вот он и обратился за помощью ко мне. Я выслушал бедолагу, для виду

рассердился и даже отчитал. Он сказал, что я – последняя его надежда. Дескать, Сатан изобретет малое зло ради победы большого добра. Я великодушно прощаю людям застарелые предубеждения против меня. Разумеется, Сатан худого не сделает, ибо только средствами добра он творит добро.

Видя расстроенное лицо просителя, я смягчился и пообещал помочь. Доверие смертного польстило мне, и я рьяно взялся за исполнение просьбы. Я налег на рычаг малой пользы, и взмыла вверх польза большая и осчастливила всех вовлеченных в историю.

Для начала я принялся следить за Давидом. Даже самая прочная семья не прочнее карточного домика. Выяснить больше того, что доносили помощники, мне не удалось. Однако просьба Ётама и была той самой знаменательной вестью, которой я ждал. Значит, пришло время действовать. Вечная цель моя – осчастливливать смертных, и душою я устремлен к ней.

Жители пригородной деревни страдали от волков. Ночные разбойники забирались в хлев то к одному, то к другому домохозяину и загрызали ягнят, а то и взрослых овец. Я распорядился выкопать волчьи ямы на подходе к селу. Звери проваливались, с хищниками подобающе расправлялись, и выходил крестьянам двойной шкурный интерес – из волчьих

шкур шились тулупы, а из овечьих – папахи.

Давид ходил на свидания со своими дружками той же дорогой, что волки тянулись к овцам. Не встречался человек со зверем, ибо первый шел ясным днем, а второй крался темной ночью. Но волчья яма и при солнечном свете неприметна. Свалился в нее парень и свернул себе шею.

Мужики обнаружили бедолагу и доставили домой почти бездыханного. Плачет жена, перепуганы детки. А лекарь скрестил руки на груди и возвел очи горе. Недолго мучился несчастный, разум его помутился, и дух тихо покинул тело.

Минул год. Приказчик одежной лавки женился на вдове с тремя ребятишками. У этой истории великолепный конец, ибо Михаль и Ётам вступили на путь блаженства, а малые детки по неразумию своему утраты не осознали, зато обрели ласкового отчима.

Кто-то вознегодует, мол, что хорошего произошло? Умер знаток Торы, да еще в расцвете лет! А я возражу, потому как Давид вытянул самый счастливый билет! Как говорится, худшей собаке достается лучшая кость. Ибо он вовремя расстался с жизнью, не успев совершить неискупимого греха. Поэтому он сохранил за собою право на достойное место в ином мире, и смерти прекраснее этой и желать нельзя.

Как-то пришел ко мне Ётам и спросил, нет ли какой связи меж его давней просьбой о помощи и волчьими ямами, которые я велел вырыть. Я потрепал простака по плечу. “Добрые дела цепляются друг за друга, как звенья цепи, – ответил я, – совершишь одно – а другое уж на подходе. Помог я мужикам в беде и тем самым вас троих – тебя, Михаль и Давида осчастливил. Понимаешь?”

Наследие Сатана

Вновь обращаю внимание моих благодарных читателей на тот факт, что я, Сатан, почти равен Богу. Это напоминание важно в контексте настоящего рассказа. Господь сотворил меня, бессмертного небожителя, как вечного носителя альтернативы Его собственным воззрениям. В этом поступке Всевышнего я усматриваю Божественную мудрость Творца, сознающего абсолютную необходимость в оппоненте. Ибо если все время будешь говорить один – всегда будешь прав, но не нужна Ему такая правота.

Я не пассивный наблюдатель исторических перипетий и эпохальных катаклизмов, коими столь густо усеяны пути рабов Божьих. Я вмешиваюсь, встречаю, если угодно, я исполняю взятую на себя неблагодарную миссию добытчика зла из созданной Творцом и обогащаемой мною человеческой руды. Только мы с Господом Богом, да еще, пожалуй, несколько

мудрецов сознают полезность моего подвижничества.

Я образцово скромн, но все же мне бы хотелось сознавать, что Бог ценит труды Сатана высоко, наравне со своими, тем самым подсказывая мудрецам важность благоприятной трактовки моих деяний и их прославления в книгах.

Однажды, огорченный вопиющей непризнанностью, я явился к Богу и без обиняков заявил, что двуногие творения на земле благодарят и восхваляют Его, и это, конечно, справедливо, но, к сожалению, моя доля влияния на смертных остается в тени. В вознесении одного прячется унижение другого. Разве обращаясь к Небесам, люди должны только рассыпаться в благодарностях, и нет у них иной причины напоминать о себе?

Хоть я и не назвал причину, но Бог понял мой намек. Казалось, Он был смущен. “Спускайся на землю, Сатан, – сказал Господь, – ходи без усталости по тропам пространства и времени, высматривай, выслеживай искомое. Вернешься и положишь Мне!”

Я призвал трех помощников, и мы сошли с Небес вниз. Нашли укромное место в пустыне среди холмов. Кругом ни души, справа чернеет вход в пещеру, слева приветливо журчит ручей, вдали виднеется лес, богатый дичью, ягодами, ко-

реньями и прочими приношениями природы – короче, источниками пропитания. Я и мои друзья – ангелы, и на небесах мы не нуждаемся в регулярном подкреплении сил, но на земле необходимо принять человеческий облик, а людям нужна пища. Впрочем, наши желудки малы, гастрономические притязания скромны, и лесных даров нам хватит за глаза.

Мои товарищи сняли со своих спин крылья – у каждого по шесть. Я, как ангельское творение приближенное к Господу и почти равное Ему, оснащен двенадцатью крылами. Друзья помогли мне освободиться от атрибутов принадлежности к небесному воинству, и мы аккуратно сложили наши белоснежные органы летания в глубине пещеры, подальше от разрушительного действия солнечных лучей и дождевой воды.

Несколько дней нам достало, чтобы освоиться на тверди земной. Затем, прихватив немного провизии, я отправился исполнять поручение Господа нашего, а в вернее всего, добывать справедливости ради признание моих собственных заслуг в глазах Его. Соратники остались на стоянке дожидаться моего возвращения. Я не взял с собою никого из троих, ибо их дух пока не достаточно высок для абсолютного проникновения в замыслы мои и Бога – им предстоит еще подняться на несколько ступеней. Пока же они обеспечат

мой тыл – ведь любой каверзы можно ожидать от многогрешных людей.

Первыми на моем пути встретились израильтяне, вышедшие из плена египетского. Я увидел, как многие тысячи изнуренных долгой, тяжелой дорогой людей сидят у костров и поют славу Господу. Вчерашние рабы нынче счастливы обретенной свободой. Люди предпочли рабству волю, многие заплатили жизнью за трудный выбор. Небеса восторгаются жертвенной дерзостью народа, а тот воспеваает их безраздельную подмогу.

Я стоял в стороне, наблюдал из-за камня, меня не замечали. Я вспоминал трусость некоторых беглецов, их малодушное желание вернуться с полпути обратно в сытое рабство. Разве забывается такое?

Тут до меня донеслись звуки отнюдь не похожие на гимн славословия. Я прислушался. В стороне сидели кружком несколько человек, возносили руки к небу, молились и плакали. Я подкрался поближе. Среди молящихся я увидел самого Моше, великого вождя племени иудейского. Он плакал горше всех, каялся, вымаливал у Бога прощение за недостойное маловерие не лучшей части своей паствы, он обещал вселить скорбь в сердце каждого израильтянина.

Взволнованный сделанным наблюдением, я продолжил свой путь. Вот предо мною открылся простор отвоеванного израильтянами у язычников Ханаана. После победного сражения оставшиеся в живых солдаты громкими криками превозносили своего полководца Йошуа бин Нуна. Хоть и смертельно устали воины, но нашли в себе силы и запели славу Господу, дарителю земли. Окончили дифирамб и повалились наземь, смиренные тяжким военным трудом.

Из своего укрытия я разглядел, как самые сильные собрались у шатра Йошуа и вознесли молитву Богу, и плакали, и каялись. Я-то знаю, о чем горевали честные из доблестных. Низость корыстного Ахана, укравшего у Бога золото Йериho, свербит благородные сердца лучших. Сурово пророчил Йошуа: вскорости весь Израиль слезами умоется, ибо преступление одного – общий грех всего народа.

Я подлинно радовался и уж подумал, что пора возвращаться на Небеса, однако, для верности решил сделать еще наблюдение. Я перешагнул через века, вступил в Ашкеназ и увидел непомерную радость на бритых лицах тамошних просвещенных иудеев. Напудренные парики, шитые серебром камзолы, белые чулки, башмаки с пряжками. Они были весьма довольны самими собой, и редко кто из них пел славу Господу. Я двинулся на восток, где славный город Божин украшает берег Днепра. И я услышал вселенский вопль – это

хасиды горько оплакивали неразумие цивилизованных братьев своих.

О, как возрадовалось сердце мое этому плачу! Славно стало на душе – мне есть что донести Всевышнему, и я могу наконец-то покинуть разноликую землю, хуже которой только ад, и лишь рай – лучше ее.

Вот и верные соратники мои. Устали ждать. Истомился бедных ангелов дух в духоте и бездуховности пустыни. Мы помогли друг другу приладить крылья за спиной, набрали побольше воздуха в легкие, взялись за руки и взмыли высоко-высоко, подальше от нашей земли.

Сидя на облаке, я ожидал аудиенции у Всевышнего. Мне не терпелось донести Ему о своих наблюдениях, а Он, похоже, не торопился встречаться со мною. Должно быть, ассистенты, ангелы канцелярские, доложили хозяину о моей подозрительно радостной физиономии.

Допущенный к трону, я предметно доложил Господу о виденном и слышанном мною среди людей. “Не только восхваляют Тебя, великий Боже, – твердо произнес я, – но и плачут в раскаянии за содеянные грехи. И плач людской становится громче день ото дня. Ты знаешь об этом не хуже меня. И известно Тебе, кто увлекает грешников на светлый путь угры-

зений совести – это я, верный Твой Сатан! Но отчего замалчивается заслуга моя? Разве слезы раскаяния жиже слез радости?”

Господь Бог молчал, обдумывая ответ. “Сатан, слушай Меня, – изрек Он наконец, – выпрямим кривое, и восторжествует справедливость, ибо повинный вопль равноценен благодарственной радости. Я наставлю пророков Моих на земле, пусть возвысят глас свой, к покаянию зовущий. Сообразно с этим и слава твоя ярче воссияет. Установим впредь, что плач людской – почетное наследие Сатана, а выражение любви Небесам – благодать Божия!”

Вот как отвоевывалась заслуженная мною доля признания, а преуспел ли я, облагораживая свое реноме – это уж вам, читателям, судить.

Кое-что о воздаянии

1

Нет, не всегда веселы хасиды города Божина. Есть причины для печали, и самая основательная из них – уход праведника из мира живых. Вот и сегодня местное иудейское племя – и хасиды и просвещенцы – все без разбору провожали в могилу благочестивого Ашера-водовоза.

Безвременно умер Ашер. Надорвался на тяжелой работе. Изо всех сил своих старался угодить людям. Бочки наполня-

лись свежей водой ежедневно в каждом доме. Рассеянным напоминал Ашер, мол, пора восстановить запас. Попить да поесть никто из виду не выпустит, зато руки омыть перед трапезой порой забывают, а потом выдумывают оправдание, дескать, воды не хватило.

Город души не чаял в своем водовозе. Не только за доблестный труд, но и за честность. Хоть и неимущим был Ашер, а гроша лишнего не брал. Недужным сам доставлял воду в дом, а с тех, кто бедней его, вообще не брал плату. Заповеди Божьи исполнял строго, без послаблений. А, главное, не кичился этим, и никто и никогда не слыхал от него нравоучительного слова. Может, поэтому и был он всеобщим любимцем?

Говорят, и в хорошем вине есть осадок. Это, Боже сохрани, не намек на винолюбие Ашера. Только бокал в субботу, да еще в праздники Пурим и Песах – вот и все, что позволял себе водовоз. Грубость профессии не подталкивала Ашера к хмельному зелью, но породила склонность к неделикатным выражениям.

Шершавый язык, да еще, пожалуй, нехватка терпения – вот и все прегрешения водовоза. Никто не сомневался, и сам Ашер твердо верил, что после смерти его ожидает рай. Именно так и случилось – умер Ашер и тотчас переселился

в лучший мир.

2

На Небесах существует определенный порядок, скорее ритуал, встречи вновь прибывающего праведника. Несомненно, что хорошо осведомленный Ашер по праву рассчитывал на приятности подобающего приема. К сожалению, случилась меж ангелами оплошка, и новичка заставили ждать. Не сразу проводили на экскурсию по достопримечательным местам рая, не показали обитель учения и пристанище отдыха, замешкались и не экипировали вовремя райским одеянием.

Я думаю, что слаба дисциплина в епархии старшего над раем ангела Михаэля. Мне, Сатану, огорчительно это, и я не злорадствую. Я знаю, Михаэль скажет, что причина задержки вовсе не в низком социальном статусе бывшего водовоза, и на Небесах не действуют земные сословные предрассудки, а критерием ценности личности служит праведность, но не кошелек. Случаются, добавит Михаэль, недоразумения, мол, ангелам свойственно ошибаться. Всё как на земле: большая машина бюрократии управляется маленькими людьми.

Я первым обнаружил Ашера. Меня насторожил необычный звук. Я прислушался. По разным делам мне приходилось спускаться на землю, и там я частенько слышал подобное. Неужто в раю возможен плач? Беспрецедентно! Я

стремглав полетел к порфировым воротам – входу в рай. И верно: под грушевым деревом одиноко сидел человек и всхлипывал. Это был Ашер. Я немедленно кликнул Михаэля. Тот примчался, и с ним сонм ангелов. Они слышали то же, что и я, да разве этим чистоплюям, сроду не покидавшим своей блаженной обители, известен плач? Подумали, мол, шумит листвою небесный мир, шалун зефир струит эфир.

Ангелы Михаэля спешно принялись за дело. Один провел Ашера по просторам рая – вот сад, в центре его красуется дерево познания, а рядом цветет дерево жизни. Справа – то, а слева – сё. Ашер вполне оценил красоты своего нового места пребывания. Другое белокрылое создание сообщило новичку, что станет он учить Тору с равными ему по развитию праведниками в шатре достаточно близко расположенном к престолу Создателя. Затем Ашеру церемонно вручили головной убор и одеяние из шитой серебром ткани. Крепкий на земле, здесь на Небесах бывший водовоз почувствовал усталость. К ней примешалась не испарившаяся до конца досада, которая и подстрекнула Ашера к диспуту с ангелами.

Желая поддеть своих опекунов, Ашер заявил, что благочестие земного праведника куда как весомее святости небесного воинства. Это заявление задело за живое ангела Михаэля, и он недоуменно воззрился на Ашера. Сподвижники старшего над раем наострили уши, затрещали крыльями.

Предчувствуя интересный спор, я тоже насторожился, приготовился поддержать здравые речи, если таковые прозвучат, а в противном случае отверзнуть собственные уста.

– Будь столь любезен, Ашер, приведи нам, ангелам небесным, основания своего самобытного мнения, – обратился Михаэль к праведнику.

– С радостью, – ответил Ашер, – пусть любой из твоих белокрылых подданных расскажет, как он попал на Небеса.

– Нас всех, воинство небесное, создал Господь, – сказал один из юных ангелов, – и тут навечно определено Им место нашей службы.

– Вот именно. То, чего на земле добиваются годами многотрудной праведности, вы получили даром. Познали вы тягость рабского труда в Египте? – спросил Ашер.

– Нет, не изведали этого... – промолвил другой ангел.

– Оно и понятно. Навязывали вам язычники своих ложных богов? Приходилось ли вам одолевать соблазн идолопоклонства? – вопрошал Ашер.

– Мы знаем только истинного Бога, и нет нам никакого

дела до идолов – гордо произнес первый ангел.

– Честь вам и хвала. А кто из вас победил искушение обокрасть ближнего? – продолжил Ашер.

– Все наши ценности – духовные, – ответил второй ангел, – нам нечего и не у кого красть!

– Вот именно, – горячо проговорил Ашер, – нет искушения, стало быть, и нет победы над ним! А почитаете ли вы отца с матерью?

– Какие еще отец с матерью? – захихикали ангелы, смущенные темой деторождения, – у нас нет родителей, мы – творение Господа!

– Знаю! Для вас ни дом ближнего вашего, ни поле его, ни раб его, ни жена его – ничто не приманка. Легко же вам живется! – закусив удила азартно выкрикнул Ашер.

– Ты слишком увлекся, Ашер, – сердито заметил Михаэль, – не забывай, праведность ангелов есть свойство их природы, и благочестие небесного воинства не меряется земною мерой!

3

Сконфуженные резонными речами Ашера, ангелы с бла-

годарностью посмотрели на поддержавшего их Михаэля. Тем временем новоприбывший почувствовал удовлетворение, сбив спесь с крылатых оппонентов. Тут я подумал, а не вмешаться ли и мне в разговор?

– Михаэль, – обратился я к властителю рая, – ты справедливо заметил, что праведность ангелов неотъемлема от их природы. В этом они усматривают корень превосходства над людьми. Не так ли?

– Пожалуй, – настороженно согласился Михаэль и бросил на меня опасливый взгляд.

– То же и на земле! – воскликнул я, – в глазах людей самые ценные достоинства – те, что даны правом рождения, ибо они присуще внутренне.

– Не продолжай, Сатан, – перебил меня Михаэль, – куда ты клонишь? Ашер был при жизни простым водовозом, а теперь он с нами. Разве по протекции высокого самородного происхождения мы принимаем в лоно рая?

– Боюсь, отчасти так и происходит! Вездесущ микроб коррупции...

– Оставь обидные намеки, – рассердился Михаэль, – на

точнейших весах мы взвешиваем людские поступки и только их принимаем во внимание. Наш закон – есть всеобщий закон воздаяния: кара за грех и награда за праведность. Незавершенный на земле расчет произойдет на Небе.

– Будь добр, Михаэль, отпусти восвояси Ашера и своих ангелов, – попросил я и продолжил, когда мы остались вдвоем, – замечу, коллега, что не работает твой закон воздаяния.

– Ты ошибаешься, Сатан! Разве не объяснили наши мудрецы, что факты благоденствия грешников и страдания праведников – это мнимые факты? Важно проникнуть вглубь, разглядеть за добром зло и за злом добро. И все встанет на свои места!

– Нехитрую задачу поставили перед собою мудрецы, и потому легко решают ее!

– Столь изощренными приемами ума – и вдруг легко?

– Да, представь себе, любезный Михаэль! Во-первых, мудрец свободен утверждать, что не получивший справедливо-го воздаяния на земле, непременно получит его в ином мире. Во-вторых, умеючи, совсем просто истолковать злое как доброе и наоборот. И, в-третьих, кару можно представить наградой и наоборот. Вот все тропинки для мудрования, и

логика не даст иных. А когда пути хорошо видны, то цель всегда достижима.

– В этом-то и штука, Сатан! Мудрое слово разъяснит неувязку!

– Дела словом не заменишь!

– Упрямец! По-твоему выходит, что не действует закон воздаяния?

– Нет такого закона. Людьюми правит случай! Говорил Коэлет: “Участь одна праведнику и нечестивцу”.

– Сатан, ты богохульник! Господь правит людьюми и по заслугам воздает!

– Однако, Михаэль, в какие дебри забрались мы! Это Ашер нас завел.

– Не ускользай, дружище! Помни: закон воздаяния обуздывает и окрыляет. И веру в сердцах бережет.

Три посланника

1

Я намерен рассказать лестную для меня историю о том, как я превзошел догадливостью ангела Михаэля, старшего

над раем, и ангела Насаргиэля, властителя ада. Впоследствии оба выдающихся деятеля Небес горячо поздравляли меня, мол, ты, Сатан, дьявольски сметлив, честь тебе и хвала. Разумеется, я не столь наивен, чтобы всерьез полагать искренними похвалы проигравших конкурентов. Честно говоря, мнение соперников – вещь для меня второстепенная. Главное – угодить Создателю. По обыкновению своему начну издалика.

Мир, как известно, плох. Он скверен в том смысле, что Господь Бог наш не находит утехи в созерцании плодов труда духа и рук своих: сотворенное Им слишком часто огорчает и почти никогда не радует Его.

Осуждая мир, мы должны ясно представлять себе, что, по существу, мы порицаем населяющих его людей. Всевышний неоднократно пытался исправить свое творение, то есть изменить к лучшему поведение двуногих созданий. И хоть ни разу не достиг Он своей цели вполне, тем не менее попыток не оставлял и продолжает их до сей поры.

Нынче много городов понастроено на Земле Обетованной, но ни об одном из них нельзя сказать, что обитатели его следуют заповедям Бога. Имеются, конечно, анклавные оградной праведности, но, как говорится, ласточка одна не делает весны.

Установлено Богом, что в среде избранников Его, вина одного очерняет всех, но не сказано Им обратное, иначе говоря, заслуга одиночки не возвысит целый народ. Правда, в некоторых трактатах нынешних сочинителей достижения великих единиц служат основательным поводом для восхваления всего племени. Однако, не пророками, а ординарными мудрецами создаются эти писания, и, возможно, поэтому они пока не возведены в канон.

Итак, о достоинствах народа Господь станет судить по делам худших его представителей. А коли так, то не дождется Земля Обетованная прихода Спасителя, покуда не исправятся люди. Желаящий добра народу своему, Бог неустанно ищет новых путей улучшения мира.

2

Раз собрал Господь на совет лучшие умы на Небесах – ангела Михаэля, ангела Насаргиэля, и, разумеется, меня. Лик Творца светился вселенской печалью, а на наших лицах застыла тревога ожидания. Всевышний с горестью поведал о беде, которая была известна нам самим, и мы уж прежде ломали голову, гадая, как справиться с нею.

Он напомнил нам, что редко и коротко молятся жители городов Земли Обетованной, да притом далеко не все облагораживают уста свои и услаждают слух Его святой молит-

вой. Не рассчитывают на успех молитвы? Не хотят помогать-ся слишком многого? Он сетовал на бездуховность жизни людей, погрязших в суетности дней, на вожделение телесных наслаждений и на страсть к золоту. С горечью заметил Он, что все меньше порицается распутство, и в этом усматривают средство уничтожения разврата. А я подумал про себя: “Люди перестали бояться Бога – вот и выросли цветы зла!”

Господь сказал далее, что не хочет повторять жестокой кары, которой Он подверг многогрешный город Сдом. Результат был локальным и кратковременным, зато возникла моральная проблема, возможно, неразрешимая, о правомерности принесении в жертву праведников ради наказания нечестивцев.

Всевышний не желал вновь вступать на путь тотального возмездия наподобие всемирного потопа. Ноах, главный герой тех драматических событий, был, несомненно, богобоязнен, но опыт наследственной передачи праведности и закрепления оной в поколениях разочаровал неудачей.

Требовалась новая идея, и Бог призвал меня и ангелов Михаэля с Насаргиэлем, усадил у подножия трона и воззрился на нас, ожидая мнений и готовый выслушивать советы. Я взял слово.

– Нам не следует повторять ошибок прошлого, – заявил я, – мы не станем сжигать огнем целые города, карая за грехи, и не будем заливать водой полмира в надежде на несбыточные чудеса наследственности. Иными словами, мы откажемся от репрессий, исходящих с Небес. Мы создадим такую ситуацию, когда люди сами станут сечь себя за уродство собственного бытия.

– Чем лучше самонаказание? – спросил Всевышний.

– Оно дает надежду на исправление, – ответил я, – к тому же, мера эта новая и пока не отмечена горечью неуспеха.

– Любопытно, какую ситуацию ты, Сатан, собираешься создать? – спросил Михаэль.

– Мысль интересная, похоже, продуктивная, – заметил Насаргиэль.

– Мне идея Сатана нравится, – сказал Бог, – обдумайте ее и приступайте к делу. Пусть каждый облюбует себе город для воздействия. У меня сегодня нагруженный день. Сейчас все свободны. Сатан, а тебя я попрошу остаться еще на одну минуту.

Михаэль и Насаргиэль удалились. Господь поманил ме-

ня пальцем. Я подошел к самому трону. “Сатан, я знаю, ты – самый сметливый, – доверительно сказал Бог, – ты не то-ропись, пусть начинают ангелы. Возможно, оплошают. Дей-ствуй последним – так скорее избежишь ошибок.

3

Старший над раем Михаэль первым начал трудиться над исполнением задания Всевышнего. Ангел направил своего посланника в некий город с наказом увещевать людей, дабы умножали свободу всех родов. Пусть каждый без опаски го-ворит, что заблагорассудится, а суды не карают строго, и вла-сти ослабят надзор за подданными.

“Беда не заставит себя долго ждать, – рассуждал Миха-эль, – болтовня без границ – путь к анархии, беззубость судов поощрит разбой и насилие, и расцветет коррупция среди безнадзорного народа. Сильный будет пожирать слабо-го, и несчастные жители побегут куда глаза глядят. Отлич-ное наказание! Видя такую напасть, обитатели других горо-дов возмутся за учение да за молитву, дабы уберечься от лиха”.

Случилось, однако, не так, как того ожидал Михаэль. Не знал ангел, что неожиданное происходит чаще ожидаемого. Не скованный надсмотром, народ обрел инициативу, в гору пошли ремесло и торговля. Жизнь стала богаче, жить стало веселее. А когда богато и весело живется, то работа спорит-

ся, а вера – побоку. Горожане благодарили посланника Небес за науку, а Михаэлю ничего не оставалось, кроме как признать неудачу своего предприятия.

Следующим проводил опыт Насаргиэль. Он указал посланнику на город соседний с тем, где экспериментировал старший над раем. Властитель ада повелел своему эмиссару убеждать людей срывать с себя цепи лицемерного благочестия. Пусть восторжествует свободная любовь, долой бремя семейных уз. Раскованность нравов – вот девиз!

“Быстро разлится народ, – думал Насаргиэль, – погрязнет в разврате. Похоть без запрета бесчинствует. Потеряют люди стыд, мор от дурных болезней проберется в каждый дом, народ станет вымирать. Сами себя люди накажут! Здоровые прочь побегут из проклятого места. Соседние города спохватятся, пока не поздно, совершенно запретят у себя распутство, и жители их возьмутся за книгу, да примутся за молитву”.

Ошибался Насаргиэль в своих расчетах. Не расплодился дома позора, и не рухнул брак, зато женщины воспряли к новой жизни и даже стали равноправнее мужчин. Нетрадиционное было признано законным, захлопнулись дверки опустевших шкафов, и радость долгожданного равенства затопила многие сердца. Ханжество освободило место прямоду-

цию, и люди забыли дорогу в моленные дома. Расцвели искусства всех видов и форм. Опасаясь распространения опасной бациллы в других городах, Насаргиэль признал неудачу и поспешил отозвать посланника.

“Как мудро решил Господь, предложив умнейшему из небесного воинства действовать последним, – подумал я, – итак, настала моя очередь воплощать волю Бога. Глубоко печалят меня ошибки соратников. Я готов сменить их, но я пойду другим путем”.

Я тщательно выбирал посланника. Мне нужен был железный ангел, ибо я ставил перед ним задачу много труднее той, которую решали его неудачливые коллеги. Ведь ему предстояло поднимать дух вверх, а тем – толкать вниз. Наконец, я нашел подходящего кандидата. Заботливо сообщил ему о местонахождении пещеры, где он оставит на время свои крылья, благословил его.

В назначенном мною городе посланец принялся внушать жителям необходимость возвращения к вере и к молитве, он неустанно твердил о том, как важно любить Бога и бояться Его. Мой красноречивый поверенный находил волнующие слова убеждения. Он утверждал, что соблюдать заповеди совсем-совсем просто, зато взамен человека ждет жизнь на Небесах. А как проникновенно говорил он о скором приходе

Спасителя! Слушатели бывали зачарованы прозрачно-ясной перспективой, которая столь много им сулила!

Семьи окрепли. Женщины целиком посвятили себя детям, кухне, молитве. Мужчины отдались учению Торы. Люди вздохнули облегченно, сбросив с себя тяжкое бремя черных трудов. Не диво, что поголовно всех увлек новый стиль жизни – легкий, надежный, многообещающий.

Труды оставлены, и бедность, даже нищета пришли в город, в каждую семью. Одежда истрепалась. В домах разруха. Порою голод одолевал. Я потирал руки – вот она, расплата за былое беспутство! Все произошло, как мною задумано было: не возмездие Небес совершило полезную работу, но самонаказание. И как действенно оно!

Кара сия выглядела исправительной. Что я обещал Всевышнему – я исполнил! И даже с прибавком. “Где хитрость не научит, там пример увлечет!” – сказал я Михаэлю и Насаргиэлю. Потекла струйка людей из разных краев в мой город. Милости просим. Мудрости писаной и праведности книжной на всех хватит.

Очки от глупости

1

Было это в зените дня упорных небесных трудов, когда образовывал я молодых ангелов, воспитывал их в сатанском

духе, учил сеять вечное, растить доброе, пожинать разумное. И вот утомились мы все к концу трудного урока – и наставник, и школяры. Сидим на облаках, отдыхаем.

Тут припало моим юным белокрылым питомцам послушать занимательную историю. Принялись пострелы нетерпеливо дергать за каждое из моих двенадцати крыльев: “Расскажи, Сатан, порадууй забавным, устали от серьезного!” У меня в голове теснятся всякие истории, притчи, сказки – хоть пруд пруди. Вот я и подумал, а не поведать ли молодежи байку о неразумии? Никого не уязвлю – дурак-то не подозревает о своей бестолковости! Быть глупцом – не зазорно, это дело житейское. Как говорится, добрая кума живет и без ума. Я не заставил себя уговаривать и отверз уста.

Знавал я двух друзей. Они не нашего поля ягода – не из ангелов, а из людей всего лишь. Одного звали Надав, другого – Абир. Детьми они учились вместе, сидели на одной лавке, глядели в одну книгу. Надав превосходил успехами Абира. Первый читал охотно, а потом добавлял от себя, сочинял без удержу. А второй плохо понимал черное по белому и забывал быстро.

Надав вышел из небогатой семьи, рано осиротел по отцу. Нелегко было вдове поднимать сына. Тем более, мальчишка слыл чудаком, непрактичным, не от мира сего. Здоровьем

слаб, и глаза плохи. Строгой экономией мать накопила денег и подарила парню очки – пусть читает, коли нет у него иных радостей.

У Абира отец занимался торговлей. Разъезжал по разным странам, в одной покупал, в другой продавал и наживу имел славную. Родитель хотел приучить отпрыска к благодатной купеческой профессии – и богатым будешь, и мир посмотришь. Абир, однако, трудиться не хотел, учиться не любил, а вот мир повидать – это ему по губе пришлось. К тому же укрепилось в те года модное обыкновение колесить по городам и весям и потом тщеславиться друг перед другом. “Ты где побывал?” – спросит один. “Там-то и сям-то!” – гордо ответит другой. “Э, брат, слабовато! А я и там отметился, и сям наведалься, да еще и вон туда заезжал и в другие места нос сунул!” – возликует первый.

2

Разошлись дороги молодых Надава и Абира. У каждого своя стезя. Минули годы, и бывшие однокашники случайно встретились. Не без труда узнали друг друга, обнялись, облобызались и промолвили дружно в один голос: “Да-а-а, время не красит!”

Направили они стопы свои в ближний лесок, уселись под деревом, приготовились затеять долгий разговор. У Абира очки на носу, хоть прежде на глаза не жаловался.

– Годы добавляют нам и убавляют от нас, – туманно заметил Надав.

– Нутро природное не меняется. Каким ты был, таким остался, и о себе скажу я так же, – прибавил Абир.

– Друг дорог другу, какой ни есть, – заметил Надав.

– Я много поездил, в разных краях побывал, – сел на любимого конька Абир, – а ты какие страны узнал?

– О, я любитель географии и экзотику обожаю! – книжно воскликнул Надав, – расскажу тебе о стране черноволосых индейцев, ацтеками они называют себя. Мужчины днем ходят по пояс обнаженными. Тела у них светло-коричневые и разрисованы цветными узорами. Роста они невысокого, но все мускулистые как на подбор. Волосы их, смазанные маслом, блестят на солнце. По вечерам они наряжаются в белые одежды, на головы водружают шляпы с широчайшими полями, и рассаживаются вокруг костров. Раздается барабанный бой, и собравшиеся приступают к однотонному пению. В гимнах они славят своих богов, ибо индейцы – язычники. Выговорить имена их божеств нет никакой возможности – язык сломаешь.

– А женщины одеты скромно, – продолжил Надав, – от плеч до ступней ног закутаны в пестрые ткани. Вся домашняя работа на них возложена, устают, бедные, за день и вечером у костров не собираются, барабанный бой не слушают и гимны не поют. Сидят на берегу озера, любуются на темную воду да на яркие звезды и терпеливо дожидаются возвращения мужей под кровлю хижин.

– Столица в стране ацтеков огромная, – увлекся многоречивый Надав, – есть в ней специальные места, где собираются белокожие дикари. Они рассаживаются ряд за рядом снизу вверх, пьют, едят и громко кричат. Приходят они поглядеть, как несколько смельчаков верхом и пешими выгоняют на арену быков и дразнят огромных рогатых тварей красными плащами. Когда бык достаточно рассвирепеет и кинется на людей, те, под ликующие крики дикарей, заколют его. Случается, правда, что какой-нибудь смельчак даст промашку и окажется на рогах. Тогда победу празднует бык, но радость его бывает коротка.

– Довольно, Надав, – прервал друга Абир, – я тоже бывал в Мексике. Воздух там чистый, а дышать тяжело в горной стране. Страна эта не любит пришельцев, и девушки индейские с ними не ласковы. Напиток тамошний, текилой называется, дурманит непомерно. Может, потому я почти ничего и не запомнил. А еще какие края тебя поразили?

– Знаю я другую языческую страну, – с готовностью вновь заговорил Надав, – там всегда тепло, когда надо для урожая – идут дожди, когда придет время пожинать плоды – небо чистое. У людей кожа темная, но не черная. Языков у них много, как у строителей Вавилонской башни, однако друг друга понимают.

– Брахманы, то бишь люди благородных кровей, поголовно грамотные, – рассказывал Надав, – учатся, молятся и не работают. Мужчины низкого звания трудятся на полях или собирают подаяние. Жены и дочери их ходят с обнаженными грудями – это невыносимо! Много отшельников. Они бродят по лесам, истязают себя голодом, редко моются, спят на голой земле и служат своим богам. К слову о лесах, они там называются джунглями. Тысячи разных тварей водятся в зеленой чаще. Самый большой и диковинный зверь – это слон. Слышал о таком чудище?

– Храмы в честь богов весьма красиво выстроены, и много их – в каждой деревне, на каждой улице имеется молельный дом. Жители набожны, но вера у них странная, ограды святилищ украшены непристойными изображениями совокуплений. Вообще, доложу тебе, народ в тех краях знает толк в любострастии.

– Хватит про Индию молоть, – воскликнул Абир, – бывал я там, ничего примечательного. Грязно, пища острая – рот обожжешь. А слонами меня не удивишь. Слон осла не заметит. Может, еще чего знаешь?

– Конечно, знаю, дружище! – вымолвил Надав, – вот послушай-ка про холодную страну. Там кругом бело от вечного снега. Ежели судно слишком далеко на север заберется, льды раздавят его. Нет там ни лошадей, ни карет, ни дилижансов. Ездят в санях, запряженных собаками. Едят только морскую рыбу...

– Стоп, стоп, дорогой! – перебил Абир, – не интересно мне это, потому, как не бывал я там. Не хочу ничего знать про север!

3

Тут я посмотрел на своих ангелочков. Слушали меня, разинув рты. Я продолжил рассказ.

Оказалось, что Надав по бедности никуда не ездил, а сведения о дальних странах извлек из книг. В этом он честно признался Абиру. А еще добавил со вздохом, что жена упрекает его, мол, уткнет нос в толстый том, а что вокруг происходит – не знает. Семья бедствует, а ему только бы книжки читать. “Нет у тебя ума в голове, – говорит она, – только и умеешь, что балаболить – в пустой бочке и шуму много!”

Однако, сама она любит слушать мужнины байки, очки ему протирает – он сквозь них хорошо видит, и они его от полной глупости спасают.

Абир посочувствовал Надаву, и сам пожаловался другу. Супруга считает его круглым дураком. Говорит, мол, мир объездил, половину отцовского наследства растранил, а рассказать, что видел, – не умеет. Только и может приятелям хвастаться, дескать, на весь белый свет поглядел. Много зрит, да мало смыслит. Если путешествие не меняет человека – плохой это путешественник!

Надав вызвался помочь Абиру.

– Мои очки – чудесные, – стал утешать Надав товарища, – возьми их у меня, надень да почитай книгу о дальних странах – и речь плавная польется с языка.

– Спасибо, Надав, ты настоящий друг, – растрогался Абир, – да только не выйдет пользы – ненавижу я книги читать!

– Ну, если не хочешь принять мою помощь, – сказал Надав, – то сам помоги мне. Дай мне твои очки надеть. Мои-то единственно для чтения годятся, а вдали ничего не разглядишь. Жена говорит, мол, я на три шага от себя слеп. В

твоих очках увижу, что вокруг делается, расскажу супруге, и она похвалит меня: “Поумнел, наконец-то!”

– Эх, Надав, – горько произнес Абир, – у меня окуляры тоже чудесные. От благоверной своей только и слышу, мол, лицо твое совершенно бессмысленное, надень, говорит, очки, умнее казаться будешь! Вот я и купил простые стеклышки, – не увеличивают и не уменьшают, не приближают и не удаляют. Не помогут они тебе!

Так и остались два друга глупцами в глазах людских.

Питомцы душевно благодарили меня за рассказ. “Отдохнули, однако. Пора за учебу!” – строго сказал я ученикам.

Помоги, Сатан, сочинить быль!

1

Однажды пожаловал ко мне некий мудрец за советом. Физиономия книжника изображала смущение – непривычно белобородому с Сатаном беседовать, а, может, визит ко мне зазорным ему казался. Да ведь я никого не неволю! А уж если пришел человек, то я рад ему: стало быть, верит в мою смекалку. Милости прошу, всегда готов помочь.

– Послушай, Сатан, – начал мудрец, – есть у меня к тебе дело, затем и явился.

– Излагай, мудрец, – ответил я и приготовился слушать умную речь.

– Я бы не просил тебя, да уж больно ты на выдумки горазд! Вы, ангелы, на то и созданы, знаете все штуки, проведете самого черта...

– Не забывайся, мудрец! – решительно перебил я визитера, – ты на Небесах находишься, прошу выбирать выражения!

– Прости, Сатан. Перейду к делу.

– Так-то оно лучше.

– Живу я в местечке, что уютится на берегу реки. Народ все больше неимущий, правда, затесался один богатей. К нему еще вернусь. А сейчас послушай о нашем горьком бедняке. Он самый праведный иудей в городке. В особенности почитает субботу. Все, что заработает за неделю, утром в пятницу несет на рынок. Там его уже ждут рыбаки с самыми крупными рыбами. Босоногий покупатель выберет лучшую из лучших, сколько бы она ни стоила, и радостно несет покупку домой. Жена приготовит трапезу, муж справит молитву и скажет благословение. Последний грош отдаст, чтобы оказать царице-субботе подобающую высокую честь. Прекрас-

ный пример подает он, не так ли, Сатан?

– Истина в устах твоих, мудрец. Сие достойно подражания.

– Вот о подражании-то я и хочу говорить с тобой. У нас все блюдут субботу. И бедняки, и единственный богач. Но горячего рвения никто, кроме помянутого праведника, не проявляет. А я хочу зажечь святой огонь в душе всех иудеев, чтобы равнялись на богобоязненного единове́рца. Тогда жители местечка в полном составе постепенно переселятся в рай, да и Спаситель скорее придет, видя общенародную ретивость!

– Похвально твое желание, мудрец, и чем же я могу помочь?

– Мне нужна поучительная и вдохновляющая история, которая выросла бы из нашего городишки, и люди бы в нее поверили и последовали доброму примеру. Вот я и пришел к тебе за помощью. Помогите, Сатан, выдумать быль!

– С радостью послужу благому делу. Однако прими во внимание, что быль может показаться удивительной даже ее изобретателю.

– Мы – люди простые, ничему не удивляемся.

– Хорошо. Для начала придумаем стимул. Пусть им станет золотой дождь, каковой прольется на бедняка в награду за усердие.

– Золото? Да где же взять его в нищем местечке?

– Ты сам говорил, мудрец, что есть у вас некий богатей!

– Мамона-то в руках у богача, как же она у бедняка окажется?

– А мы призовем на помощь прорицателя, пусть он нагадает вашему толстосуму страшную для него судьбу, тот испугается и со страху сотворит глупость, уж мы сочиним какую, и золото его попадет к бедняку!

– Тебе ведь известно, дружище Сатан, что мы, иудеи, напроць отвергаем всяких колдунов. Не поверит богач прорицателю. Осел, знающий дорогу, стоит больше, чем пустельга-гадатель.

– Что значит “дружище Сатан”? Прошу без фамильярностей, напоминаю, ты находишься на Небесах!

– Ой, забылся, прости!

– Прощаю. Превратим вашего креза в неиудея, вот и вся недолга! А теперь придумай сам, как передать богатство в руки бедняка.

– Да у меня в голове уже вся история созрела. Стану проповедовать ее нашим иудеям. Поверят, впечатлятся, к праведной жизни потянутся! Хочешь, расскажу, Сатан?

– С радостью! Как быстро, право, ты был сочинил! Одно слово – мудрец!

2

– Слушай, однако. Жил в местечке человек неимущий, – начал мудрец, – и хоть беден был, но всегда радовался жизни и довольствовался малой долей. Больше всего на свете он любил субботу и безмерно почитал этот дар Господа. Пятничным утром он покупал на рынке самую дорогую и лучшую рыбину. В честь царицы-субботы, не колеблясь, тратил весь свой скудный недельный заработок. А соседи его, люди прижимистые, хоть и соблюдали день субботний, да только для блезиру, и выторговывали рыбешку подешевле.

– С некоторых пор поселился среди бедных иудеев богатый неиудей, – продолжил рассказчик, – и этот нувориш насмеялся над праведником, мол, видишь, я не делаю безум-

ных трат, а живу не худо. Но тот не слушал пустые речи и упорно продолжал свое. По твоему совету, Сатан, я вставил в рассказ предсказателя, который явился к зубоскалу и нагадал ему, что, во-первых, он утратит свое богатство, а, во-вторых, оно достанется бедняку.

– Как ты и предвидел, Сатан, иноверец-богач наделал глупостей: он принял за чистую монету предвещание прорицателя, продал свое имущество, купил на вырученные деньги огромный алмаз, зашил его в подкладку шляпы, сел на корабль и поплыл подальше от проклятого местечка.

– Поднялся ветер и сорвал с головы незадачливого богатея его драгоценную шляпу. Так сбылось первое предсказание колдуна – бывший толстосум утратил свое достояние. Самая большая рыба в реке разорвала зубами затонувшую шляпу и заглотила самоцвет. Рыбаки выловили сетью речную хищницу, а праведник на последние деньги купил ее для субботней трапезы. Жена его разделала рыбину и обнаружила в брюхе драгоценный камень, который был весьма дорого продан по окончании субботы. Так сбылось второе предсказание колдуна – бедняк завладел состоянием богача.

– Поздравляю, тебя, мудрец, с прекрасным рассказом! – воскликнул я.

– Спасибо. Как ты полагаешь, Сатан, не будет лишним, если я добавлю в конце нашей были, как сам пророк Эльяу явился к вчерашнему бедняку и сказал, что обретенное им богатство есть награда за праведность?

– О, какая замечательная мысль пришла тебе в голову, мудрец! Она отлично послужит твоей душеполезной цели. Я и сам хотел предложить нечто подобное, но ты опередил меня.

– Еще раз благодарю, Сатан! Я отбываю к себе в местечко. Я намерен рассказывать сочиненную нами историю всем и каждому. Я ожидаю, что теперь-то уж обыватели наши станут истинно радоваться субботе и почитать ее всем сердцем, не для показу!

– В добрый путь!

3

Прошел год, и явился ко мне старый знакомый. Печальным было лицо мудреца, и глаза его не горели былым энтузиазмом. Я предложил гостю место у стола, поставил перед ним стакан воды. Визитер поблагодарил и уселся на краешек скамьи. Он молчал и пристально глядел на меня, видно, ждал вопроса.

– О чем грустишь, мудрец? – спросил я и сразу смекнул,

что все идет по задуманному мною.

– Осечка вышла с нашей повестью, Сатан!

– Неужели? – притворно удивился я, – говори скорей, не томи!

– Рассказывал я историю каждому в отдельности и всем вместе. И произвела она действие обратное тому, на которое я рассчитывал.

– Выражайся яснее, мудрец!

– Постараюсь. Так вот, бедняк перестал покупать самую дорогую рыбину. Удовлетворяется теперь мелкой рыбешкой. Деньги откладывает. Жене и деткам новые одежи справил. Субботу почитает, но без прежнего воодушевления.

– Догадываюсь, каков ход его мысли. Он узнал себя в твоей притче. Ради благой жизни на Небесах он жертвовал достатком в этом мире. А из рассказа уважаемого мудреца вышло, что воздаяние получил он на земле, причем деньгами. Вот и подумал твой герой, мол, через лишения стремишься к святости, а награда все равно выходит бездуховная, так не лучше ли не транжирить деньги понапрасну, да обрести то же самое, притом свое, а не чужое!?

– Богача словно подменили, – продолжил мудрец, – перестал подшучивать над бедняком. На рынке выбирал самую дорогую рыбу, а трутней-предсказателей на порог дома не пускал.

– Все ясно мне. Богатей смекнул, что байка твоя на него намекает. Понял свою ошибку: не голодранцу, а ему, толстосуму, пристало обладать самой лучшей рыбой. Сообразно с тяжестью мошны почитать субботу надобно – так скорее обретешь доброе место в будущем мире, а на земле отвадишь наглеца не по чину покупать.

– Прочие же обыватели местечка не приняли на веру нашу с тобою былль, – печально признался мудрец, – не последовали примеру благочестивого бедняка. Скорее умалили, нежели прибавили рвения к исполнению заповедей.

– Понять их легко. Послушав сказку твою, сообразили, мол, не обойтись без чудес, чтобы обрести достаток в награду за праведность. А не лучше ли, чем на чудо уповать, больше трудиться?

– Заметил я, что историю нами вместе придуманную, ты “моей” называешь. Почему?

– Не знаю, право. Так вышло...

– Боюсь, не из скромности. Сдается мне, что ты нарочно меня в дебри завел! Потешиться хотел?

– Ну-ну, мудрец, угомонись. Уж больно ты разволновался. стакан перед тобой, отпей. Это вода из райской реки Гихон. Она целебная – успокаивает и утешает.

Неизбывные оковы

1

Мне часто приходится совершать деловые поездки, а, вернее, полеты на землю. По простоте сердечной читатель полагает, что имеет основания интересоваться у меня, мол, для какой такой надобности Сатану спускаться с благословенных Небес к грешным людям? Уж не каверзу ли затеял? Бдительность ищет подвоха. Подозрительность его находит.

Я привык к предвзятым мнениям людей обо мне. Стойкость предубеждений – не самая большая слабость человеческая. Есть душевные изъяны похуже, и об этом речь впереди. Возвращаясь к любопытствующему и настороженному читателю, отвечу: “Я являюсь к смертным для их же пользы и творю добро!”

Я знаю замечательную пещеру. Она расположена в укромном месте. Ни нога человека, ни лапа зверя туда не ступают,

змеи и летучие мыши в ней не живут, воздух внутри сухой, вода со свода не каплет, и плесень не растет на стенах. Замечательное место для хранения белого моего оперения.

Никем не замеченным спустившись с Небес, я снимаю со спины двенадцать крыл и аккуратно укладываю их в облюбованную мною нишу внутри пещеры. Надеваю на себя цивильное платье, дабы сделать менее заметной горнюю одухотворенность моего ангельского лика – и вот я вполне приготовлен к свершению нового благодеяния.

На сей раз мне предстояло навестить одного человечка с неважным прошлым и поглядеть на его настоящее бытие. Дюжину лет назад я пытался наставить его на путь исправления. Шагает ли он нынче по тропе праведности? Следовало проверить: может, заслужил он похвалу, или нуждается в ободрении словом, а то и кнутом? Короче, наше свидание назрело.

Я пришел к месту предполагаемого обитания моего протеже. Спросил первого встречного, слышал ли он что-нибудь о Цадоке? Ответ последовал утвердительный и воодушевленный. Оказывается, Цадока знают и любят в округе. Прохожий указал мне на большой добротный дом – в нем всеобщий любимец содержит постоянный двор и там же проживает.

На мой стук вышел половой, и я сообщил ему, что голоден, хотел бы подкрепиться, заночевать и пробыть здесь два-три дня, а также непрочь познакомиться с хозяином места. Тут как раз спустился со второго этажа Цадок. Он меня не узнал. Зато я сразу разглядел знакомые черты лоснящегося от сытости лица.

Я сидел в трапезной, закусывал. Вошел некий простолюдин, похоже, человек бедный. Его встретил Цадок. Видно, ждал посетителя. Тот поставил перед хозяином огромную корзину.

– Здесь овощи с нашего огорода, жена лучшие отобрала! – воскликнул вошедший.

– Хорошо, оставь, – одобрил Цадок, – а брат твой где?

– Дома, должно быть.

– Напомни ему, не следующей неделе – его очередь.

– Обязательно напомню, – сказал гость и скрылся за порогом.

Раздался робкий стук в дверь, и Цадок впустил нового визитера – с мешком за плечами.

– Вот, принимай, – проговорил вновь прибывший, – свежий помол, отличная мучица!

– Молодец, – похвалил Цадок, – поставь в угол. А шурина-то твой где?

– Дома, наверное.

– Напомни шурина, на будущей неделе – ему навещать меня.

– Непременно, непременно! – скороговоркой проговорил гость и ретировался прочь.

Потом приходили другие, несли всякую снедь – мясо, птицу, яйца, крупы, сметану, молоко. “Любят Цадока, – подумал я, – не пора ли готовить похвальное слово вставшему на богоугодный путь?” Решил, однако, со славословием повременить и сойтись поближе с хозяином постоялого двора. Не хотел ошибиться: восхваляются-то обычно люди никчемные.

2

На другой день я любезно пригласил к себе за стол Цадока, предложил ему поужинать за мой счет, покалякать о том, о сем – мы ведь оба люди немолодые, есть что вспомнить: целая жизнь за плечами, и к счастью остались часы впереди.

Хозяин постоянного двора охотно принял приглашение. Велел половому принести из подвала хорошего вина, а кухарке изготовить чего-нибудь повкусней.

На короткое время мы с Цадоком поменялись ролями. Я был хозяином, а он – моим гостем. Как не раз наблюдал я, у людей расчетливых, если в гостях они, разыгрывается диковинный аппетит, и появляется великая жажда. Я с прежней нашей встречи помнил, что Цадок весьма благорасположен к питью. Я подливал и подливал в его чарку, и вскоре лицо его покраснелось, глаза подернулись благодным туманом, а язык затомился под тяжестью слов. Он до сих пор не узнавал меня.

– Как любят тебя соседи, – подольстился я к собеседнику, – видно признательны за добро, что ты сделал им когда-то!

Он словно ждал этой фразы и принялся рассказывать мне свою историю. Благодарение вину, в хмельной голове нет черты меж правдой и ложью. А вранье пьяного открывает трезвому истину.

– Верно, друг, – сказал Цадок, – любят меня, и неспроста. Много добра я совершил и теперь пожинаю плоды. С хлеба на воду перебивались те, кто нынче угощают меня. Я в люди

их вывел. Поддерживал, денег давал, хоть и сам не богат был.

– От себя отрывал? – спросил я.

– Э-э-э, нет! От себя не отрывал! Ты хороший человек, щедрый, вроде меня самого. Мы с тобой люди образованные, уважаем друг друга, оба стоим за закон, и есть доверие меж нами. Расскажу историю свою, не таясь. Я с молодых ногтей не терпел несправедливости, и потому как вошел в силу, сразу подался в разбойники. Отбирал у богатых и оделял бедных. Теперь понимаешь, почему любят меня?

– Двуногие – существа совестливые, не умеют за добро злом платить, – поддакнул я.

– Двуногие? Прежде не слышал такого слова. Люди – благодарная порода, да на беду не без уroda. Нашелся негодяй из голодранцев, сказал мне, мол, ты лиходей и насильник, и изувечил навсегда, лишил правой руки. С тех пор я не могу превращать греховное золото в безгрешное, отнимая его у богачей и отдавая беднякам.

– Эх, Цадок, между нами говоря, кругом полно всякого обмана, и корысти много, неужто люди легко поверили бессребреничеству твоему?

– Ты прав. Откроюсь до конца. Не хотели поначалу признавать бескорыстие, и даже отказывались принимать благодеяния, каверзу подозревая. Припугнуть пришлось. Сказал, что я – сын Сатана, и если какой крамольник станет перечить мне – узнает тяжелую руку отца моего. Поверили темные люди. Обманул для их же пользы. Теперь я для них – истинный благодетель. Они горой за меня стоят, в обиду не дадут.

– Скажи-ка, Цадок, а не думается ли тебе, что мы уж прежде встречались? Не признал ты меня?

– Вроде, нет, – неуверенно ответил Цадок и поглядел мне в лицо пристально и с опасением.

– Тогда внимай и вспоминай. Был ты в молодости разбойником, потрошил всех подряд. У богатых деньги отнимал и зарывал добычу в землю – копил золото. Когда набралось много, ты сторговал постоянный двор. У неимущего, которому не по карману было от тебя откупиться, ты по сей день требуешь отступные, говоришь, мол, ты его защитник перед Сатаном. За заступничество людишки тебя почитают доброхотом. Однако благодеяние недостойного есть злодеяние. Как видишь, Цадок, я кое-что вызнал. И не голодранец руку правую тебе отсек, а я, потому как я и есть Сатан. Теперь узнаешь меня? Я пощадил тебя в прошлый раз. Вижу –

ошибся. Приготовься: завтра будешь казнен!

Цадок побледнел и поспешно вышел, ни слова не говоря. Протрезвел, должно быть.

3

Утром следующего дня я призвал Цадока в свою комнату. На столе передо мной лежал кинжал. Вошедший заметил оружие, не испугался и дерзко поглядел на меня.

– Прощайся с жизнью! – заявил я и потянулся к средству расправы.

– Не торопись! – спокойно заметил Цадок, – я людям сказал, что ко мне явился Сатан, и он вознамерился меня убить и вас судить, ибо я делал вам добро, а вы принимали его.

– И что же? – спросил я, стараясь скрыть закипевший гнев.

– Люди взбеленились – ведь знаешь, как любят меня, заступника! Ободрили, велели передать тебе, мол, если свершится крайнее зло, и Всевышний допустит, чтобы отец убил родного сына, мы перестанем верить в Него. Человека ты можешь жизни лишить, но на веру в Господа руку не поднимешь! Потому как ты ангел, не так ли, Сатан?

Правда была в словах хитреца. Нельзя отнимать у людей Бога. Я не тронул Цадока. Покинул постоянный двор и, полный грусти, вернулся на Небеса. Но не в силах я мириться с мыслью, что чистое имя Сатана употребляется для грязной цели. Я направил посланника на землю, и через неделю случился пожар на постоялом дворе Цадока, и сгорело место дотла.

Однорукий и бессильный старик остался без гроша. Жалели его. Для вчерашних данников тиран по-прежнему оставался благодетелем. Они купили Цадоку место в лучшем приюте, и кормили, и поили, и лечили его на свой счет. Сладостно двуногим рабство, и неизбывны оковы его.

Кто придумал пословицу

1

Эшель – простой крестьянин. Не бедный и не богатый. Есть у него полоса земли, доставшаяся от отца, а тот получил надел от своего родителя, и так далее вглубь поколений. Поля приносят пшеницу, овощи, виноград и прочими дарами радуют хозяина. Имя не обязывает Эшеля сажать тамариск, как это делал его праотец Авраам. Проку мало от этого дерева.

Жена у Эшеля работающая и плодовитая, не сглазить бы. Детишек полон дом, и все одеты, обуты, сыты. Мальчики ходят к наставнику и учатся по книгам, девочки остаются дома

и помогают матери. Заурядное семейство, и глава его ничем не примечателен. Казалось, проживет Эшель свой век тихо и мирно и не изведает жизненных бурь. Судьба, однако, распорядилась иначе, избрав его своим фаворитом. Но до того как наш герой вытянул счастливый жребий, немало треволнений выпало на долю его.

К полосе Эшеля примыкают с разных сторон два чужих поля. Соседи у него беспокойные, вернее сказать, недобрые. Во-первых, они смертельно враждуют между собой, и нашему герою изрядно перепадает, ибо земля его расположена меж соседскими наделами. Во-вторых, они и самого Эшеля не любят, и избегают говорить с ним, словно держат камень за пазухой. Сильные они и страшные. А могучего соседа всегда боятся. Пацаны, за межой живущие, норовят утеснить мальчишек Эшеля и затевают драки.

Дети, как известно, выбалтывают родительские секреты. Однажды Эшелю поведал один из сыновей, который дрался с отродьем соседа справа, что отец того задумал покончить со своим врагом и намерен совершить поджог. Другой Эшелев отпрыск, столкнувшийся в кулачном бою с сынком припольщика слева, сказал, будто противник проговорился, мол, родитель его задумал спалить вражью крепость.

Чрезвычайные вести окунули Эшеля в водоворот разду-

мий, бросили в омут сомнений. “Подожгут соседи друг у друга хутора, – размышлял он, – хорошо это или плохо? Нет в мире вещей однобоких, то бишь только хороших или только плохих, – философствовал крестьянин, – от недоброхотов своих я избавлюсь, и это хорошо. Если уж нанести соседу вред, то непоправимый. Опять же, власти посадят на землю других хозяев, а вдруг те окажутся хуже прежних? Это плохо. Известное старое зло лучше неизвестного нового. Спросу-ка я мнение супруги!”

Жена Эшеля ужаснулась задуманному злодейству. “Сообщите властям! – решительно заявила она, – пусть пошлют жандармов, остановят произвол! Огонь всё порушит. Детишки невинные задохнутся в дыму. Хоть и хулиганы, а жалко! Скотина сгорит – коровы, овцы, птица домашняя. Пепелище, смрад, тлен! А вдруг огонь на наш дом перекинется?”

Эшель позавидовал жене – ей все ясно, и сомнений не ведет. Сам же ни к какому берегу не пристал и решил ждать, может дело само уладится. “К господам торопиться незачем, – размышлял умудренный жизнью Эшель, – кто знает, как истолкуют дело, недолго и самому без вины виноватым стать! Где голова не помощник, там сердце подсказчик. До рокового часа потерплю и по наитию поступлю – то ли жандармов звать, то ли рыбой молчать!”

И вот, настал решительный день, а, вернее, ночь. Эшель проснулся от подозрительного шума. Вышел во двор. Глянул вправо – там луна освещала посланца соседа слева, он обкладывал хворостом дом врага, готовился к поджогу. Поглядел влево и увидел, как орудует посыльный соседа справа.

“Еще не поздно призвать солдат, остановить безумие! – лихорадочно размышлял Эшель, – невинные детки погибнут, да и виновные примут кару сверх меры свершенного зла! Да что мне жалеть-то врагов своих да чертят их! Доброго слова от них не слыхал, благого дела не видал. Нахлебался от соседей, и дальше терпеть? Мудрецы говорят, мол, коли не уверен – сиди, жди и не встревай!”

Нашедший успокоительную опору в книжной премудрости, Эшель вернулся в дом, тихо улегся рядом с мирно спящей супругой и уснул. В эту лунную ночь привиделся ему во сне солнечный день. Яркое небо блистало необычайно. Лучи ослепляли, и чтоб уберечь глаза, он повернулся спиной к неистовой дневной звезде. Испускаемый ею невероятной силы свет отражался от пшеничного поля и возвращался к зрачкам его. Спасая зеницы, Эшель закрыл их ладонью. Но тут среди ясного дня загремел сверху страшный гром, оглушил и разбудил бедного Эшеля.

“Вставай, муженек! – кричала жена, – какой страшный

грохот, какой ослепительный свет!” Супруги выбежали из дому. Справа и слева от их поля пылали дома и постройки соседей. Криков о помощи не было слышно. “Удушье дыма погубило спящих, сгорели, сердечные, в огне! – плакала жена, – почему не послушал меня, Эшель, не уведомил власти, допустил до несчастья?”

Эшель упрямо не отвечал. Он заворожённо глядел на две рукотворные огненные стихии. “Слава Всевышнему, ветер щадит наш хутор! – думал крестьянин, – однако, что впереди нас ждет?”

Жена и дети приблизились к пепелищам. Насытилось голодное пламя. Только уцелевшие печи чернеют, да закопченные трубы в рассветное небо глядят. Сморданный туман и зловоние. Страшно подвинуть угли и головешки – вдруг откроется обгоревшее тело, или кость, хуже – череп – выгянет. А Эшель стоит недвижим у порога дома своего, и то кается, то радуется.

3

Тут я спустился с Небес и напрямиком направился к Эшелю. Он с подозрением и опаской глянул на меня. Подумал, небось, кто-нибудь из власть предержащих прознал о злополучии, станет с него допрос снимать, еще и обвинит в поджоге, Боже сохрани! Я поспешил успокоить крестьянина.

– Здравствуй, Эшель, – сказал я и поглядел на него с ласкою, на какую только способен.

– Здравствуй, господин, – пролепетал Эшель, – а ты кто таков?

– Я – Сатан, спустился с Небес, чтобы тебя похвалить и наградить.

– Смеяться изволишь над простым тружеником?

– Ничуть! А вот и семейство твое вернулось с пожарища. Нам побеседовать надо, лишние уши ни к чему.

– Эй, женушка, уведи-ка детей в дом и сама с ними посиди, – строго крикнул Эшель.

– Сгинувшие в огне взаимной злобы, соседи изрядно досаждали тебе, не так ли, Эшель?

– Верно, Сатан! Настродался я от них. И родитель мой от их отцов терпел, и сказывал, мол, и его батюшку семейства эти допекали.

– То-то и оно! И дети их таковы! – воскликнул я.

– А все же, погибли люди...

– Эшель, ты геройски подавил в душе никчемную жалость. Не донеся властям, ты дал свободу молоту справедливости. Благодарству мщения поем мы песню. Хвала тебе, Эшель!

– Никак я не возьму в толк, Сатан, в чем заключается геройство мое?

– Сейчас все поймешь. Пойдем к пожарищам! – сказал я, и мы двинулись вперед.

– Ты видишь эту печь, Эшель? Разгреби возле нее угли. Вот и кованый вход в подпол. Открывай люк и полезай внутрь. Ничего не бойся. Там, глубоко внизу, в каменной нише найдешь железный сундучок. Достань его и дай мне.

– Бери, Сатан, – послушно вручил ларец своему хвалителю перепачканный землей и сажей крестьянин.

– Теперь сделаем это же самое у второго пепелища, – сказал Сатан, и вскоре в руках его оказались две жестянки.

– Эшель, ты грамотный?

– Обижаеть, Сатан!

– Шучу. Открывай по очереди сундучки, доставай из них свитки, ломай печати и читай.

– В обеих грамотках прописано, что все три надела – мой и соседей – принадлежат нашему роду! – вымолвил побледневший Эшель, – что это значит, Сатан?

– Что написано – то и значит! Древние сии документы – единственно законные. Соседей предки веками прятали их от твоих праотцев, а те по простоте не выхлопотали себе охранную бумагу. Коварные припольщики думали завладеть вашей родовой землей, но прежде каждый из них желал покончить с соперником, а заодно и уничтожить его свиток.

– Но ведь дети-то погибли невинными! – упрямылся Эшель.

– Разве соседские сорванцы не теснили твоих ангелочков? Когда отцы едят кислый виноград, то и сыны станут делать то же. Алчность бесстыдна, вражда шествует сквозь поколения. Не уничтожить ненависть, не умертвив носителей ее. Ты хладнокровием своим убавил от мировой злобы.

– Погибли урожай, скот, постройки...

– Для исцеления удаляют зараженный орган, порой, страдает здоровая плоть!

– Сатан, не ты ли выдумал пословицу про лес и щепки?

– Не я, а жестокость вашей земной жизни. От меня тебе награда выйдет. Эти грамоты я предъявлю властям, и вся земля станет твоею. Вступай во владение сей же момент!

Антиподы

1

Среди людей бытует представление, что, поскольку пребывание на Небесах безоговорочно прекрасно, благостно и умиротворяюще, то обитателям высших сфер неведом непокой сомнений. Казалось бы, есть резон в таком взгляде на вещи: ведь сомнение – это всегда барьер, ибо, во-первых, оно предполагает трудный и, порой, рискованный выбор между альтернативами, а, во-вторых, последствия выбора не прогнозируемы – иначе не возникли бы сомнения. Однако наличие различных мнений важно, ибо в противном случае не из чего выбирать лучшее. Тут надо иметь в виду, что даже аргументированное суждение не обязательно верно.

Людское представление об отсутствии сомнений в ином мире проистекает из неосведомленности смертных о небесном бытии. Оно отнюдь не так безоблачно, как кажется сто-

ронникам пасторальной точки зрения. Безоблачность следует понимать, разумеется, не в метеорологическом смысле, ибо небо – естественное место пребывания облаков, но в переносном значении слова.

Мне, как Сатану, на протяжении всей моей жизни – нескончаемой и уходящей в бесконечность будущего – приходится противостоять всевозможным глупейшим предубеждениям. Упомянутый выше ошибочный взгляд является следствием одного из предубеждений. Заявляю решительно: “Ангелам ведомы сомнения, в том числе и мне, ветерану Творения, уроженцу Небес!”

Сейчас я поведаю моим благодарным читателям об одном давнем и поучительном случае, впрочем, отнюдь не уникальном, выводы из которого до сих пор не до конца ясны мне, и я по сей день пребываю в состоянии неопределенности относительно оценки последствий истории, которую я намерен рассказать. И не только я один колеблюсь, но, как мне кажется, мой коллега ангел Михаэль, занимающий один из ключевых постов на Небесах – властителя рая – тоже сомневается.

2

Среди многочисленных моих знакомцев были два достойных мужа, посвятивших жизнь тонкому искусству коммерции. Говоря проще, они держали лавки и продавали обывателям своего городка необходимые потребительские товары.

Бакалейщик Птахья торговал крупами, сахаром, солью, мукой, чаем и прочими важными съестными продуктами. Мануфактурщик Барух предлагал покупателям сукно, ситец, а кому-то шелк и батист – всевозможные ткани на любой карман.

– Здравствуй, Птахья, – поприветствует бакалейщика заглянувший в лавку покупатель.

– Мир тебе, друг, – ответит Птахья, – чем могу послужить утробе твоей?

– Мне бы мучицы два фунтика!

– Вот, получай, друг! На пампушки да на пончики лучшего товара не сыщешь! И вес точнейший: у меня гири проверенные, комар носа не подточит!

– Да я уж знаю, Птахья, у тебя все по-честному, как в Писании сказано.

– Бывай здоров, друг, заходи почаще, всегда тебе рад!

– Здравствуй, Барух, – скажет вошедший в мануфактурную лавку солидный покупатель.

– Мир тебе, друг, – ответит Барух, – никак, придется желать?

– У сына скоро свадьба, нужна обновка жениху. Мне бы сукна хорошего. Четыре с половиной аршина в пору будет.

– Вот отличная материя. Получай, сколько просил. Я на свой аршин мерю – проверенный, самый точный, никогда не подведет!

– Да уж я знаю, Барух, у тебя все по-честному, как в Писании сказано.

– Отпрыску твоему и снохе – благополучия, тебе – внуков побольше!

– Аминь.

Так день за днем трудятся Птахья и Барух. Один кормит людей, другой одевает их. Они между собой ладят – добрые знакомые. Друг другу не конкуренты, не враждуют, камня за пазухой не держат, но и не сближаются чрезмерно, ибо есть одна важная вещь, на которую взгляды их разнятся.

Как сказано выше, я был знаком с обоими. Встречаясь, я каждому в отдельности напоминал строку из Закона, недву-

смысленно говорящую о том, что нельзя делать неправды в весе и в измерении. Я получал в ответ благонамеренное молчание, которое, несомненно, означало согласие.

Теперь настало время сообщить читателю одиозный факт – Птахья и Барух не были верны канону, а, попросту говоря, бакалейщик обвешивал, а мануфактурщик обмеривал. Разумеется, преступления наших героев не столь тяжелы, чтобы считаться неискупимыми. К тому же, грехи обоих не являли собою реку одного лишь мутного зла, ибо в широком потоке блистали светлые ручейки добра. Провинности торговцев создавали не только пострадавших, но и благодетельствованных тоже. Скажем, семьи наших героев не оставались в накладе.

Здесь уместно добавить, что вне стен своих коммерческих предприятий оба лавочника вели жизнь праведную: они самозабвенно и энергично молились, со рвением исполняли предписанные заповеди, любили ближних, свободные от профессии часы, а также субботы и праздники, посвящали учению Святого Писания, жертвовали на вдов, сирот, неимущих и совершали еще множество богоугодных дел.

Тем не менее беззаконие останется беззаконием, даже если попутным его результатом окажется благодеяние. Сознавая это, Птахья и Барух придавали большое значение по-

каянию. Оба твердо знали, что если искренне покаяться в день накануне смерти, то грехи будут прощены, и тогда вполне можно рассчитывать на достойное место в раю, ибо на Высшем суде нагруженная добрыми деяниями чаша весов непременно опустится вниз.

Подходы Птахьи и Баруха к выбору правильного момента времени для самоочищения существенно различались. Соглашаясь с тем, что виниться следует за день до смерти, Барух резонно возражал, мол, человеку, слава Богу, не известен срок кончины. Поэтому он медлил с покаянием, будучи уверенным, что глас Небес подскажет ему урочный час.

Птахья, человек рациональный и не слишком расположенный к мистике, не полагался на голос свыше. Допуская правоту Баруха, он все же не хотел рисковать своим посмертным будущим и избрал иную линию поведения. Благополучный должен думать, что предпринять к приходу беды. Птахья исходил из того, что смерть может нагрянуть в любое мгновение и застать человека врасплох. Поэтому он очищал душу ежевечерне. Регулярность была тем более оправдана, что всякий день трудов давал основания для покаяния.

Моей упорядоченной ангельской природе предусмотрительность Птахьи ближе и понятнее, нежели беспечность Баруха. К тому же, принятая бакалейщиком метода регуляр-

ного погашения греха дневными дозами обеспечивала бесспорное преимущество уменьшения общего мирового количества творимого смертными зла. В то время как принцип мануфактурщика имел следствием накопление беззакония. Сохраняя объективность, я замечу, что беспечный не всегда глуп, а серьезный вид предусмотрительного необязательно свидетельствует об уме.

О своем предпочтении я многократно говорил со старшим над раем ангелом Михаэлем. Он неизменно соглашался со мной, но, боюсь, понял меня превратно, в пределах узости своего должностного горизонта.

Михаэль расценил мои похвалы Птахье как ходатайство. Не зная других способов награждения за праведность, он направил к бакалейщику своего ангела, и тот забрал его душу, и ее тут же определили в рай. Оказавшись в вожделенной епархии, душа Птахьи не сетовала на поспешность судьбы, но и в небесной музыке случаются фальшивые ноты.

3

Вернемся на землю. Награжденный принятием в рай, Птахья оставил после себя вдову, безотцовщину и процветающее коммерческое предприятие. Обо всех и обо всем позаботился Барух, взявший на себя канительную обязанность опекуна.

Безвременно усопший имел обыкновение баловать супругу как обильными ласками, так и щедрыми подарками. Вдова, не вынеся утрат того и другого рода, стала чахнуть, худеть и вскоре захворала и умерла. Барух устроил покойной достойные похороны. Детишек он определил в богоугодное заведение для сирот. Мальчики будут учиться ремеслам, портновскому и сапожному, девочки освоят навыки, необходимые женам и матерям.

Теперь Баруху предстояло решить, как поступить с самой важной частью наследия Птахьи, а именно, определить будущее бакалейной лавки. Торговля крупами, мукой, сахаром и прочим товаром – дело прибыльное и хлопотное вместе. Барух человек импульсивный, склонный к спонтанности и экспромтам. Не погружаясь в скрупулезный анализ в духе Птахьи, он извлек из кубышки заработанные сбережения и, пользуясь преимуществом опекуна, занедорого выкупил у властей перешедшую в их временную собственность лавку.

Профессионализм и большой коммерческий опыт помогли Баруху быстро освоить торговлю в новой для него бакалейной сфере. При этом он сохранил и развил выработанную его предшественником утонченность приемов обращения с товаром и с покупателями. Выручка Баруха удвоилась, и кубышка вновь отяжелела. Червонцы множились и неуклонно пополняли кошелек. Легко догадаться, что новые обстоятель-

ства ничуть не изменили подхода Баруха к покаянию.

Я спросил старшего над раем ангела Михаэля, имеет ли Барух основания надеяться на такое же отличие, какового удостоился Птахья, то есть может ли наш скоробогач рассчитывать на место в раю? Михаэль разъяснил мне, что если Барух успеет своевременно, то есть в день кануна смерти, покаяться в грехах, то не будет никаких законных причин не принять его душу в рай.

Теперь подведем итог. Бакалейщик Птахья, человек предусмотрительный, заботясь о будущем месте в ином мире, регулярно приносил покаяние за ежедневные грехи и тем самым не способствовал накоплению общего зла. В результате он получил небесную награду.

Личность беспечная, в прошлом только мануфактурщик, а ныне почти магнат Барух, питает небеспочвенные надежды очутиться в раю, притом, что он уже завоевал земной трофей, изрядно разбогатев. Как говорят мудрецы, человек вкушает наслаждение из двух миров. К сожалению, с переходом бакалейной лавки в собственность Баруха, накопление мирового греха увеличилось.

Теперь мы пришли, дорогой читатель, к начальному пункту рассказа: бремя сомнений несут даже небесные ангелы.

Вот и я, великолепный Сатан, не уверен, правильно ли поступал, безмерно восхваляя Птахью владыке рая Михаэлю? Нет, я вовсе не утверждаю, будто Барух не заслуживает благ настоящей и будущей жизни. Но, кто знает, сложись судьба бакалейщика иначе, и мир был бы менее уродлив. Кстати, я уверен, что Михаэль разделяет мои сомнения. В заключение замечу, что не нужно избавляться от сомнений, наоборот, нам следует учиться сомневаться.

Ход вещей

1

Порой читатели упрекают меня, дескать, вечно ты, Сатан, рассказываешь нам потешные вещи, стараешься рассмешить, а ведь иной раз хочется чего-нибудь грустного, берущего за душу, чтоб уронить слезу, задуматься о бренном, нескладном, пустом, глупом, наконец!

Упрек я принимаю, но исключительно из желания потрафить благонамеренным ценителям моих рассказов, а вовсе не потому, что безоговорочно принимаю критику, хотя и нахожу в ней зерно истины. Вообще, я придерживаюсь абсолютно либерального взгляда на различие в образе мыслей людей. Иными словами, каждый имеет полное право на собственное мнение, если оно, разумеется, не расходится с моим.

Итак, на сей раз, я поведаю повесть, печальнее которой

нет на свете. Это история об одном дерзком опыте, или, как сейчас у вас на земле говорят, эксперименте, который закончился крушением изначальной идеи, а неуспех повлек за собою бедствия и разочарование. Забегая вперед, возьму на себя смелость указать на причину неудачи: пренебрежение задуманным самим Господом естественным ходом вещей.

2

Однажды явился ко мне некий смертный и попросил уделить ему час-другой внимания. Одет добротно, аккуратно. Манеры благородные, глаза пронизательные, лицо умное, сразу видно образованного человека. Представился, и выяснилось, что и имя у него тоже подходящее – Наор.

– Я пришел к тебе за советом, Сатан, – сказал гость.

– Буду рад, если смогу тебе помочь, Наор, – ответил я.

– Не сомневаюсь, что сможешь. У живущего на Небесах ангела взгляд на мир не узкий, как у землян, но общий, фундаментальный.

– Перейдем к делу, Наор, – ответил я сухо, не показывая, что польщен.

– Я – человек состоятельный, – начал свой рассказ Наор, – владею ювелирным заведением, от отца досталось мне. По-

купаю золото, серебро, самоцветы. Рабочие мои изготавливают на любой вкус украшения для женщин и мужчин, всё вещицы отменно дорогие, и доход у меня – слава Богу.

– Так отчего же лик твой безотраден, почтенный Наор, – спросил я и почуял перспективу занимательного парадокса.

– Трудятся в моем заведении несколько работников. Люди они в мастерстве искусные, но в жизни и в обращении простые. Сказать по правде, не чудом я богатею – это умелые руки наемников полнят червонцами мою кошницу. А сами-то они живут в бедности. Но в радости!

– Поясни, Наор, – попросил я, – не скудостью же они наслаждаются?

– Вот в этом-то и великий мой вопрос, мудрый Сатан!

– Коли работники отменно обогащают тебя, Наор, отчего не повысишь им жалование?

– Повышал! Обиделись, отказались принимать!

– Поразительно! Отказались из гордости? Из глупости? – изумился я.

– Из солидарности! Сказали мне, мол, товарищам их, которые у других хозяев трудятся, плата выходит меньше. Вот мои работяги и не хотят, чтобы им завидовали, дескать, дружба дороже.

– Думаю, Наор, напрасно ты своих людей простаками считаешь, ум у них весьма утонченный.

– Ум у них утонченный? Пожалуй, прав ты, Сатан: живут они бедно, а жизни радоваться умеют!

– Что дальше?

– Дело в том, Сатан, что я, человек состоятельный, удовольствий жизни не чувствую. И не я один. Все мои покупатели – люди богатые, и никого среди них не вижу счастливыми.

– Головокружительное открытие! Выходит, на большие деньги купишь печаль, а на малые – радость? Может, не даром говорят, что путь парадокса – путь истины? Я должен признаться, Наор, озадачил ты меня. Давай вместе думать. Где твой маяк?

– Маяк мой мигает с берега всеобщего благоденствия.

– Неужто благоденствие может быть всеобщим? У тебя и план имеется?

– Есть кое-какие мыслишки. Вот я и пришел к тебе, Сатан, посоветоваться.

– Выкладывай свою сверхидею, я сгораю от нетерпения!

– Боюсь, не оказалась бы идеей фикс моя сверхидея! – скромно заметил Наор.

– Не бойся! Мы с тобой – две головы. Сколько голов, столько умов.

– Вот и я говорю, Сатан, что ум золота дороже, а умный и без него богат!

– Так каков он, план твой?

– Разберем всё по порядку. Малоимущие в нашем местечке жизнью довольны. Толстосумы не ведают радости. Первых, как известно, большинство. Вторых – мало. Причина огорчений коренится в золоте. Чем его меньше у человека – тем он счастливее. Таковы факты.

– Упрямые они, факты эти, непреложные, очевидные, на-

дежные, жестокие! – поддакнул я, впрочем, с некоторым сомнением, – и как же плыть к твоему маяку?

– Счастье, как и солнце, светит всем, – воодушевился Наор, – нужно только подставить лицо живительным лучам!

– Думаешь, все людишки возрадуются твоему солнцу?

– Есть единомышленники у меня! Узок круг их, но помыслы страшно близки народу. Мы двинемся вперед с идеями в головах и с красными речами на устах.

– И с оружием в руках? – уточнил я.

– И с Писанием в руках! – мгновенно парировал Наор, – ведь сказано же: “И пастись будет корова с медведем; детеныши их лежать будут вместе; и лев будет есть солому как вол!”

– Правильно ли, Наор, понимаешь ты слова мудрецов?

– Конечно, правильно! Рассудим вместе, Сатан. Бедных – что песку в море, а богатых – по пальцам перечесать. Если неимущие поделят меж собой золото имущих, то на каждого из великого множества придется совсем малая доля содержимого кованных сундуков. Выйдет, что нищие почти не раз-

богатеют, стало быть, счастье их не убудет, зато крезы, обделенные ныне радостью жизни, обретут блаженство!

– Значит, вчерашние богачи, всего своего добра лишившись, станут счастливее других? Справедливо ли?

– Ты прав, Сатан, об этом-то я и не подумал... Одинаковость пострадает... А ведь по мысли мудрецов все должны есть солому... Как хорошо, что я пришел к тебе за советом! Пожалуй, не станем раздевать догола толстосумов, ради равенства оставим им долю малую!

– Надеюсь, Наор, что добрые твои намерения угодны Творцу, а угодны ли будут действия?

– Сомнения науки разрешит жизнь, не так ли, Сатан?

– Задумки проверь на деле. Не поднявшись на высокую гору, не узнаешь высоты неба. Возвращайся в местечко и твори. Донесется и до меня гул перемен.

– Ты благословляешь? Советуешь воплощать замысел?

– Сочувствую и надеюсь, – ответил я Наору, – а теперь – ступай!

Прошли года. Я почти забыл о беседе с мятежным ювелиром. Как-то призвал меня Господь к своему трону и с неудовольствием сообщил, что дошли до него сведения о бедствиях в местечке, где проживал Наор. “Спустишься на землю, Сатан, разведай, что к чему!” – приказал Всевышний.

Я не сказал Богу о своей причастности к делу. “Слетаю на землю, разберусь, потом, может быть, признаюсь!” – подумал я.

Нашел городок Наора. Безлюдье и разруха встретили меня. Я бродил по пустынным улицам. На меня глядели черные пасти окон. “Вымерли, что ли, двуногие эти?” – все больше сердился я.

Наконец, увидел в придорожной канаве спящего человека. Рядом с ним копошились мыши. Я тронул посохом тощее тело. Человек проснулся, вскочил на ноги. Передо мной стоял грязный, обросший бородой оборванец. Я всмотрелся в его лицо и признал Наора. Тот глядел на меня пустыми глазами. “Здравствуй, Наор, я – Сатан, пришел проведать тебя и деяния ума твоего!” – сказал я строго.

По чумазым щекам Наора потекли слезы, он размазывал их, всхлипывая. Успокоившись, попытался обнять меня, но я ловко увернуться.

– Рассказывай! – приказал я.

– Случилось у меня затмение ума. Что видел и слышал – понимал превратно. Думал, разрушение – ключ к улучшению. А ты, Сатан, – советчик и свидетель безумия. Вот и весь сказ... – прошамкал беззубым ртом Наор.

– К делу переходи! – крикнул я гневно.

– Удался замысел, и в этом несчастье. Чем краше говорили соратники мои, тем больше крови лилось в местечке. Не за счастье, а за добро воевали, кто за чужое, а кто за свое. Много голов полегло. Голод выкосил тысячи. Выжившие сбежали. Я – последний тут.

Не стал я дальше слушать несчастного, вернулся на Небеса и доложил Богу обо всем виденном, и свою долю не скрыл. Велик и справедлив был гнев Господа. “Ты, Сатан, как неразумный Наор, не понял замысла Творения Моего! – прогремел Всевышний, – вы нарушили ход вещей, а рабы мои на земле поплатились!”

Каясь, подумал я про себя: “Не учил Господь, что должна быть одинаковой природа разных творений Его. Вечны сила и слабость, дерзость и робость, а неравенство плодотворно.

Мудрецов я призыву к ответу, почему говорят они, мол, медведь станет пастись с коровой, а лев вместе с волом – солому жевать?”

Семья красна, коли крыша одна

1

Небожители упрощенно представляют себе житье-бытье людей на земле. Порой судят о грехах и благодеяниях двуногих творений с некоторой легковесной прямолинейностью, не принимая во внимание довлеющих земных обстоятельств. Верхоглядство свойственно практически всем ангелам, но в разной степени. Скажем, властитель ада Насаргиэль, по характеру службы наслышанный о могучей силе искушений, разъедающей души его будущих пациентов, готов иной раз проявить понимание и даже снисхождение. Зато старший над раем ангел Михаэль, имеющий дело с беспорочными праведниками, бывает чрезмерно строг к нарушителям заповедей. Никто не понимает человека лучше меня, Сатана, ибо я частенько спускаюсь на грешную землю. Поэтому на Небесах я по праву считаюсь главным экспертом по земным делам.

Я намерен рассказать историю двух супружеских пар, последовательно преодолевавших одно затруднение за другим. Они не ждали советов от своих мудрецов, а поступали по собственному разумению. Однако, преодолевая одно препятствие, они создавали другое. И только мое компетентное

вмешательство устранило преграды к их новому счастью.

А теперь – обо всем по порядку.

Жили два друга в местечке одном, разом смеялись и вместе грустили. Жарко молились, бок о бок учились. Если один чего не поймет, другой на помощь спешит. Короче, неразлучные друзья, водой не разольешь. Одногодки. Звали их Ханох и Барух. Оба парня стройной стати и равные ростом, а мастью – разные. Ханох чернявый, и глаза у него темные, а Барух белобрысый и светлоглазый.

Отцы наших героев были потомственными коммерсантами. Семья Ханоха торговала лесом, а родитель Баруха отдавал предпочтение недвижимому имуществу. Очень понятным и совершенно естественным стало желание ветеранов негодии вручить сынам эстафету фамильного дела. Огромно значение преемственности, ибо настоящее есть росток прошлого, и сходство меж ними облегчает созерцание будущего. Когда, по мнению старших, младшие в достаточной мере познали Святое Писание, первые решили, что вторым пришла пора заняться делом.

Замечу читателям, что факт прекращения учебы вовсе не следует трактовать как пренебрежение Божественным знанием. Отнюдь! В обеих семьях несокрушимо соблюдались

заповеди Господа, но ведь и верность родовым традициям тоже чего-то стоит, не так ли? К тому же, среди приверженцев доходных утилитарных профессий распространено небеспочвенное убеждение, что нет в жизни якоря надежнее, чем хорошие деньги, доставляемые, например, умелой коммерцией.

Чтобы вникнуть в тонкости любого торгового поприща, новобранцу полезнее всего будет начать со службы коммивояжера – изучит свой товар, познакомится с продавцами и покупателями, оглядится вокруг и покажет себя. Отцы указали сыновьям сферу самостоятельных действий, снабдили советами и начальным капиталом.

Настал ли момент вступления юношей на широкую дорогу успехов и неудач, побед и поражений? Пора ли отправляться в самостоятельный жизненный путь? Ответ может быть только один – нет! Парням, слава Богу, уже по восемнадцать, а, может, и по девятнадцать лет, а они все еще не женаты! Не имеющий теплого домашнего тыла – нежной супруги и любящих деток – не добьется побед на деловых фронтах.

Будет день – будет невеста. В местечке у некоего состоятельного обывателя выросли дочки-близнецы. Звали их Хана и Браха. Сходство меж ними удивительное: одно лицо, и один склад. Где тут Хана, а где Браха – лишь родной отец да

мать их умели различать. Исполнилось отроковицам шестнадцать лет, девы на выданье, нечего тянуть!

Встретились трое отцов, обсудили, поладили, познакомили молодых. Ханоху и Баруху невесты весьма приглянулись, причем обе в равной степени, что и не удивительно. Но ведь никак нельзя жениться на двоих – надо выбирать. Впрочем, не будем забегать вперед.

Какой из парней пришелся по душе Хане, а какой – Брахе, нам знать не дано, ибо женское сердце непознаваемо. Отец невест подсказал разумный ход, дескать, пусть молодые вступают в брак по сходству имен: Ханох женится на Хане, а Барух возьмет в жены Браху. Мужчинам идея понравилась, стало быть, и женщины с ней были согласны.

Сыграли две свадьбы. Родители вскладчину купили молодоженам дома в хорошем городке. Не слишком близко к местечку, дабы дети пореже обращались за помощью и сами воевали свою жизненную войну, и не слишком далеко, чтобы навещать внуков, когда народятся.

2

Дома молодоженов располагались в разных концах городка, но расстояние не стесняло и не охлаждало. Дружбе Ханоха с Барухом женитьба не повредила. Хана и Браха все детство провели вместе и не могли разлучаться надолго. Каж-

дую неделю молодые семьи сообща встречали субботу. Собирались и по праздникам. Как славно любящим друг друга людям сидеть за одним столом, глядеть в милые лица, вместе трапезничать, молиться, а то и песню затянуть! Прошло немного времени, и юные жены понесли. В добрый путь, Хана и Ханох, Браха и Барух!

Промчались три-четыре года, и уж по несколько ребятишек завелось в каждом счастливом доме. Матери заняты детьми, а отцы разъезжают по городам и весям, набираются опыта. Главы семейств устраивают свои поездки таким манером, что если один отлучается по делам, то другой остается в городке – ведь мужская поддержка может понадобиться обеим семьям.

Ханох и Барух по-прежнему дружны и дружат домами. Излишне говорить, что ничуть не ослабли сестринские чувства Ханы и Брахи. Все четверо любят друг друга, трое за одного, и один за троих. Что касается предпочтений, то, по сравнению с днем смотрин, появились новые эмоции. Во-первых, теперь уж не только родители сестер-близнецов умеют определить, где Хана, а где Браха, но и мужья различают их. А, во-вторых, обнаружили склонности – оказалось, что Ханоху больше по нраву Браха, а Барух очарован Ханой.

Новое положение могло бы продолжаться неопределенно

долго, тем более что все четверо, как я уже упоминал, любили друг друга. Но некоторое обстоятельство намекало на необходимость перемен. А именно, у чернявого Хануха родился белобрысый мальчик, а в доме светловолосого Баруха появилась смуглая девочка. Разумеется, никто не в силах однозначно определить причину такого пассажа. Возможно, этому способствовали попеременные отлучки наших коммерсантов. Однако не хотелось бы, чтобы так думали соседи.

Когда жизнь ставит человека в экстраординарное, граничащее со скандальным, положение, первое желание испытываемого судьбой обращено к поиску благонадежного советчика. Кому должны были излить душу Ханух и Барух? Разумеется, они могли направить стопы по проверенному веками пути в дом мудреца. Но некая сила удержала рассудительных мужей от поспешного решения. Нет, они отнюдь не сомневались в мудрости знатока Писания и в его желании вникнуть в проблему. Скорее наоборот, они опасались того, что исключительная деликатность дела вызовет преувеличенный интерес и чрезмерный душевный подъем советчика.

Ханух и Барух встретились на нейтральной территории вдали от своих половин для обсуждения ситуации. Сердца подсказали логичное и простое решение: всё, что требуется – это поменяться женами-близнецами. Кто узнает? Никто! Мужчины обнялись и в знак любви крепко пожали друг дру-

гу руки.

В темный полночный час, когда жители городка сладко спали, Хана и Браха в сопровождении мужей вышли на встречу друг другу. Добравшись до цели, женщины улеглись в супружеские постели, а мужчины вернулись каждый к себе домой и сделали то же самое.

В первые недели нового начала Ханох и Барух радовались, словно молодожены, и чувствовали себя так, будто они уже поднялись к нам на Небеса. Они даже откладывали важные поездки. К сожалению, с каждым новым днем Хана и Браха мрачнели сами и омрачали праздник Ханоху и Баруху. Женщины испытывали в точности такой же энтузиазм как и мужчины, но, что поделаешь, если границы женских чувств простираются гораздо дальше мужских?

Хана и Браха встретились на нейтральной территории вдали от Ханоха и Баруха. Заверив друг друга в том, что любовь меж ними ничуть не убыла с дней далекого детства, они справедливо отметили великолепные последствия придуманной мужчинами перемены. Но, увы, женские сердца не могли вынести расставания с собственными детьми. С кем говорить, кто поможет? Они могли обратиться к супруге мудреца, которая уж потому умна, что прожила годы бок о бок со знатоком Священного Писания. Но те же соображе-

ния, что не пустили Ханоха и Баруха к советчику, остановили Хану и Браху.

Славная мысль пришла разом в головы обеих сестер: “Наши мужья поменялись женами, а мы поменяемся детьми!” Сказано – сделано. И вот уж матери вновь холят не чужих, но собственных детишек – своя кровь, своя плоть, как много это значит!

Шло время, и опять на ясном небе всеобщей любви появились облака. Они понемногу чернели, грозились превратиться в тучи. Что на сей раз смешалось в образцово дружных домах? Ребяшня чуток подросла, стали шептаться меж собой малолетки, мол, папы-то у нас не свои! Когда детские сердечки томятся, то и мать с отцом места себе не находят.

По-прежнему наши герои дружили домами, собирались по субботам и праздникам, и все друг друга любили. Но нельзя перестать грустить, коли есть на то причина. И тужили Ханох и Барух, Хана и Браха, и все думали одну общую думу и не знали, что еще можно изобрести, и унывали.

3

Пребывая на Небесах или спускаясь на землю, я сверху и со стороны следил за жизнью двух семей. Увидев выросшее перед ними серьезное затруднение – безотцовщина при живых отцах – я решил вмешаться и помочь добрым людям со-

хранить любовь.

Я явился в дом к Ханоху на исходе субботы, когда оба семейства, взрослые и дети, сидели за столом и беседовали о делах насущных. “Перед вами Сатан, – представился я, – мне известна ваша история и ваша новая закавыка. Я хочу вам помочь, и у меня есть изумительное предложение, которое позволит навсегда сохранить вашу всеохватную любовь!”

Придя в себя от неожиданности, взрослые первым делом отправили отпрысков во двор – поиграть в мяч и попрыгать через скакалку.

– О, спасибо тебе, Сатан! – воскликнул Ханох.

– У нас нет никаких предубеждений против тебя, – добавил Барух.

– Ах, если бы ты знал, Сатан, как мы все любим друг друга! – проговорила Хана.

– Мы так хотим всегда быть вместе! – поддержала сестру Браха.

– Моя идея есть голос вечной любви! – произнес я.

– Надеюсь, это не многоженство, Боже сохрани? – разом выпалили женщины.

– И не многомужество, убереги Господь? – испуганно спросили мужчины.

– Дорогие мои, – воскликнул я, – это не многоженство и не многомужество. Это – многолюбие!

– О, поясни нам, Сатан, – потребовали все разом.

– Вы четверо, и детишки с вами, станете жить единой семьей под одной крышей. Нет никаких препятствий этому. Ведь в основе сего – многолюбие!

– Вокруг столько глаз и ушей, – заметил Барух.

– Продайте ваши дома, и выстройте в другом городе одну большую храмину на отшибе. Ты, Барух, дока в этих делах. Вы стряхнете с себя огорчения сегодняшнего дня, сохраните старые ценности, и, кто знает, жизнь подарит вам новые радости.

Наши герои последовали моему мудрому совету, и счастье во всей полноте поселилось под общей крышей. Ханох и Барух с годами преуспели в коммерции. Хана и Браха теперь

почтенные матроны. Дети выросли и вспоминают порой дни счастливого детства.

Как-то рассказал я эту историю своим коллегам ангелам Михаэлю и Насаргиэлю. “Счастливые люди – это ведь твоя паства, – подмигнул я старшему над раем, – когда-нибудь они предстанут пред тобой!” Михаэль в ответ промолчал и отвел глаза. А властитель ада Насаргиэль нехорошо улыбнулся.

Тысяча и один золотой

1

Под гостеприимной кроной грушевого дерева, на заходе солнца, сидел я как-то со своими коллегами по небесной службе – старшим над раем ангелом Михаэлем и владыкой ада ангелом Насаргиэлем. Мы отдыхали от утомительных дел насущных и вели непритязательную беседу. Исчерпав обыденные темы, смолкли и принялись любоваться красотой заката. Приятный вечер трудного дня.

Неожиданно в пасторальную тишину ворвался глас дежурного ангела: “Принимайте пополнение, почтенные принцыпалы!” Сей зов, несомненно, относился к Михаэлю и Насаргиэлю, а не ко мне, поэтому я продолжал сохранять невозмутимое спокойствие, в то время как мои собеседники заметно взволновались.

Дежурный ангел имел в виду вновь преставившихся. Кажется бы, событие это абсолютно рядовое, ибо любой продукт земного бытия рано или поздно непременно умирает, попадает на Небо, и тогда Высший суд дает работу либо Михаэлю, либо Насаргиэлю. Отчего же растревожились мои соратники?

Михаэль и Насаргиэль объяснили мне, в чем состоит неординарность положения. Дело в том, что в последнее время умножился поток прибывающих из некоего городка. И диковинность состоит вовсе не в количестве, ибо всплески такого рода не впечатляют Небеса, а в качестве мертвецов. Высшие сферы осаждаемы не душами умерших, а истинами. Да-да, именно мертвыми истинами, которые якобы родились на земле, прожили короткую жизнь, умерли и вознеслись.

Коллеги попросили меня спуститься к людям, посетить городок, разобраться в тамошнем хаосе и выяснить подоплеку нарушения привычного хода вещей. Михаэлю и Насаргиэлю требуется знать фактическую, а не мнимую причину, ведь ангелы не верят ни байкам, ни чудесам. Я не заставил себя уговаривать. Мне в радость получать подобные просьбы от коллег или повеления от Господа. Я всегда осуществляю миссию с исчерпывающей полнотой, ибо вижу в этом свой долг. Награда за исполненный долг – возможность исполнить следующий. К тому же мне лестно сознавать себя

экспертом по земным делам.

Прежде чем я приступлю к описанию очередного визита на землю, я сделаю несколько предварительных замечаний. Для успешного выполнения задания необходима основательная подготовка. Предстоящее сошествие к двуногим – не исключение.

Прежде всего, я обратил внимание на особенную природу новых мертвецов. Итак, они являются истинами. По словам моих друзей Михаэля и Насаргиэля, новопреставленные умирают совсем молодыми. Я стал думать, как связать эти факты. На память мне пришло высказывание, приписываемое одному из древних мудрецов, мол, в споре рождается истина. Сей умник хоть и был язычником, но славу гения снискал заслуженную. В пользу его ума говорит хотя бы то обстоятельство, что свое авторство этой сентенции он не признавал и отвергал ее на том основании, что спор суетен, никакой истины не родит, а вот диалог – совсем другое дело.

Сочленив имеющиеся в моем распоряжении реалии, я предположил, что маложивущие истины, которые досаждают Небесам, являются порождением пустых споров. Возможно, в городке завелся некий профессиональный спорщик, который без усталости и без удержу печет, как блины, ничемные истины, да еще и наживается на простаках. Тако-

ва была моя рабочая версия. Вооружившись теорией, я спустился на землю, отыскал нужный мне городок и приступил к исполнению миссии.

2

Городишко маленький, захолустный, расположен вдали от стольных градов и больших дорог. Подобные места часто называют забытыми Богом, но такое мнение грубо ошибочно. Господь не забывает рабов своих – ни столичных, ни провинциальных, ибо расстояния от любой точки земли до трона Всевышнего практически одинаковы. Однако неразвитость и тупость в глухих краях встречается частенько даже среди состоятельной публики.

Провинциалы доверчивы, днем истово молятся, а ночью громко храпят. Я подумал, как раздольно будет чувствовать себя шарлатан-спорщик среди ограниченных и легковерных людей. Мне захотелось просветлить темные головы, вырвать обывателей из идиотизма местечковой жизни.

Я ни за что не откажу читателям в удовольствии в тысячный раз убедиться в остроте и проницательности моего ума. Априорно придуманная мною на небе рабочая версия событий в городке изумительно совпала с земной действительностью.

Не так давно в провинции появилась некая столичная

штучка со знаменательным именем Ярив. Веселый балагур и отчаянный спорщик, он прокладывал тропки к сердцам местных толстосумов, вызывая их на спор, и недурно зарабатывал на этом. По чести говоря, я не возгорелся гневом на успешного мистификатора, потому как ценю всякого рода изобретательность.

Я полагаю, что долг – это любовь. А именно, любовь к тому, что сам приказываешь себе. Исполнение Небесного долга требовало от меня остановить обременительный для Михаэля и Насаргиэля беспримерно большой поток усопших, то бишь мертвых истин. Для этого мне, прежде всего, следовало познакомиться с Яривом.

3

– Приветствую тебя, хитроумный Ярив! – воскликнул я.

– Взаимно! Приятна мне комплиментарная незнакомца речь! – бойко ответил Ярив.

– Познакомься со мною: я – Сатан!

– О, я счастлив говорить с посланцем Небес! Что привело тебя ко мне, великий Сатан?

– Я наслышан о твоих победах в спорах и хочу из первых уст услышать лучшие образцы, – сказал я, желая польстить

Яриву и не открывая при этом своих намерений.

– С радостью, Сатан! Ты дельный ангел и по достоинству оценишь мой талант – не покладая ума золотить руки.

– Итак, приступим, Ярив!

– Вот первый образчик моей находчивости, – начал Ярив, – раз сидел я в трактире, закусывал, и подсел ко мне некто, с виду весьма огорченный. Половой принес ему селедку с луком, хлеба, и водку. “Человек хочет забыться, видно, неудача его постигла, – подумал я, – небось, ему выговориться нужно!”

– Поведал он мне, – продолжил Ярив, – что задумал купить дом для дочки – она, мол, в девках засиделась, а будет у нее своя храмина, и женихи потянутся. Приглядел он подходящее гнездышко. Однако продавец запросил неумеренно. “Разумным доводам не внемлет, дурак набитый, – ругался мой собеседник, – не понимает, болван этакий, если не назначит цену рыночную – никогда не продаст недвижимый свой товар!” Так и не совершил покупку родитель перезревшей девы.

– Тут я стал утешать любителя селедки, – сказал Ярив, – говорю ему, что на сей раз не повезло тебе – продавец по-

пался бестолковый, однако по большому счету дурак полезен умному в делах! Тот смеется надо мной, дескать, не может быть пользы от дурака. Тогда я предложил заключить спор – отчего не потягаться с человеком, если тот при деньгах?

– За разрешением спора отправились мы вдвоем к мудрецу. Поскольку я не соглашался на приглашения горе-покупателя составить ему компанию в пиршестве, и голова моя была ясная, я взял инициативу в свои руки и кратко и ёмко изложил мудрецу суть дела. Он выслушал, огладил белую бороду, сотворил молитву и изрек: “Когда многодумный царь Шломо говорил, мол, нет нового под солнцем, он не имел в виду глупость. Ибо глупость всегда блещет новизной. А еще примите во внимание, дети мои, что всякая умная мысль поначалу кажется глупой, и только со временем ее оценят иначе. Поэтому нельзя утверждать, будто нет пользы от дурака!”

– Я победил в споре, – подвел итог Ярив, – и пока мой напарник отсчитывал проигранные деньги, я сказал ему: “Спор наш родил истину. Вот она: глупость – двигатель прогресса!” В хмельной голове неудачника не поместилась мудрость моего открытия. Он безнадежно махнул рукой и ушел, не прощаясь. Что ты на это скажешь, Сатан?

– Прекрасно, Ярив! Ты наглядно показал, как дурак может быть полезен умному в делах. В истине, которую породил

ваш спор, я уверен меньше. Переходи к следующему примеру.

– Итак, я продолжаю, – промолвил Ярив, – однажды ко мне пришел красивый мужчина во цвете лет и сказал, что наслышан о моей изобретательности и хочет посоветоваться. Он готов заключить со мной спор и охотно проиграет его, если это поможет ему выкарабкаться из неприятного положения, в котором он очутился. Выяснилось, что красавец сей изрядный юбочник, и его последнее похождение стало известно жене, и вот, горько обиженная женщина требует развода. Ради сохранения имущества ловелас желает сохранить семью, и что же ему делать?

– Ситуация тривиальная, – продолжил Ярив, – но для виду я глубоко задумался. Потом говорю моему новому знакомому, мол, положение его совсем не так худо, как он себе представляет, и пусть себе жenuшка ходатайствует перед судом. “Имей в виду, – сказал я ему, – супружеская неверность укрепляет брак!” Не умеющий мыслить парадоксально, волокита решительно не согласился с моим суждением, и сам предложил побиться об заклад – по его мнению, дело обстоит как раз наоборот.

– Поспорили мы, – сказал Ярив, – пошли к судье, знатокку разводных дел – пусть рассудит. Судья принял нас отмен-

но, выслушал и, рассмеявшись, дружески похлопал по плечу моего знакомого. “Приходи с женой, дружище, – объявил вершитель правосудия, – я расскажу вам, какими неприятностями грозит развод. Уверен, женщина передумает. А тебе, любезный, впредь надо действовать осмотрительней!”

– Парень хоть и проиграл, но остался доволен – надежда ободрила его. Принимая законный гонорар, я изрек истину, родившуюся в споре: “Измена – залог верности!”

– Блестяще, Ярив! Нет ли у тебя еще примера в том же роде?

– Да сколько угодно, Сатан! – воскликнул Ярив, – вот, послушай. Раздразнил я как-то одного толстосума, говорю ему, мол, проспоровший выигрывает. Случайный мой знакомый, понятное дело, злится, не соглашается. Как водится, заключили пари. Отправились к главе общины. Тот объяснил крезу: “Выспоровший деньги платит налог в казну. Если богач часто проигрывает споры, то, выходит, общинная касса полнится из его кошелека. А городская наша управа таких добродеев уважает и возвращает им сторицей!”

– Довольный исходом дела, миллионщик расплатился со мной, а я поздравил его с новорожденной истиной: “Спор – источник обогащения!”

– Последнее твое утверждение верно только для одной из тяжущихся сторон и слишком тривиально, чтобы претендовать на истину, – сказал я Яриву, – а теперь внимай моим словам! “Не ты, а Господь Бог изрекает истины. Твои же мелкоотравчатые поделки умирают вскоре после рождения, и никудышные мертвецы обременяют лишней работой лучших ангелов Небес!”

Разочарованный таким финалом разговора, Ярив поник головою, но на этот раз спорить не стал – понимает, стало быть, что сам Сатан перед ним.

Прощаясь, я спросил его, сколько же он берет со своих простоватых партнеров. “Тысячу и один золотой, – пробормотал Ярив, – один – за спор, а тысячу – за рожденную в нем истину!”

Новости коммерции

1

Я не лыщу себя бесполезной надеждой на справедливую оценку моих деяний. Отрицательный имидж Сатана прочно засел в головах обитающих на земле двуногих существ. Причиной тому стала многовековая безрассудная кампания дискредитации моего имени, кампания, не ограниченная рамками истины. Дай-то Бог, чтобы эти короткие правдивые рассказы пробудили в сердцах предубежденных читателей здра-

вый смысл и стремление понять мой истинный облик.

Знатоки Писания, а также творцы всех родов искусств изобразили меня ярким антагонистом доброго Бога, приписали мне мнимую страсть вечно творить зло. Якобы я подбиваю добропорядочных людей на бесчестные поступки, а затем, когда они согрешат, я выдаю их Высшему суду для назначения кары, и, в конце концов, упиваюсь страданиями казнимых. Разве не хватает в мире мерзостей, учиняемых земными негодьями, чтобы измышлять новые и приписывать подлости мне, ангелу небесному? Воистину, люди – не лучшее изобретение Господа, коли свои грехи они проецируют на безвинного: бьют Фому за Еремину вину! Да ведь и сам Всевышний признал, что “помысел сердца человека зол от юности его”.

Вот, я называю себя безвинным, а вполне ли я объективен? Самокритичность – одна из сильных сторон моей натуры. Пусть смолкнут лживые уста недругов, твердящих, дескать, самокритика есть скрытая похвала собственной непредвзятости. Честный внутренний голос говорит мне: “Сатан, загляни в свою душу!” С присущей мне пунктуальностью я неизменно и с соблюдением определенного регламента устремляю ретроактивный взгляд в свое прошлое и подвергаю безжалостному анализу поступки и мотивы. Дату и время этой процедуры я храню в секрете, опасаясь, гово-

ря словами современного жаргона, злонамеренного вброса фальшивой информации.

Однажды во время подобного аналитического действия я припомнил случай, который, чего греха таить, не свидетельствовал в пользу моей безупречности. Осознавши нечистоту совести, я почувствовал, как похолодели основания всех моих двенадцати крыльев. Хотя, если вдуматься, не всё выглядело однозначно – были хорошие намерения, и было негодное их воплощение. Итак, обо всем по порядку.

2

Жил себе в одном городе простой ремесленник. Был он беден, и все достояние его составляли два удачных сына. Человек этот мечтал вывести отпрысков на широкую дорогу благополучия, чтобы дети твердо стояли на ногах, ни в чем не нуждались, и жизнь их не была бы похожа на отцовское прозябание.

Труженик сей полагал, что нет лучшего средства к жизненному успеху, нежели учение Святого Писания. “Пусть сыновья углубятся в книжную мудрость, сначала познают основы, а потом посвятят себя служению Господу, и заживут безбедно и будут всеми уважаемы” – говорил себе родитель. На свои скромные сбережения он поместил отпрысков в лучший питомник знаний к мудрейшим наставникам.

Оба юноши были хватки умом, а характерами разнились. Старший отличался великим терпением, сидел за книгами денно и ночью и со временем вступил на светлый путь мудрости. Он поучал, разъяснял, направлял, остерегал, одобрял, порицал – одним словом, он стал авторитетным служителем Божиим, как и хотел того отец, который по праву гордился сыном: “Не на каждом дереве произрастает усердие!”

Младший, парень нетерпеливый, хоть и был разумом быстр, а к учению душою не прикипел. Отец не желал дитю рабочей судьбы и поэтому не привлек его к ремеслу, а отдал в торговый дом – пусть окунется в коммерцию и покажет себя. Кто знает, может, и разбогатеет – плохо разве? Владельцы полных золотом кошельков почитаются в народе почти также высоко, как носители полных мудростью голов.

В этом пункте рассказа мы покинем старшего брата и обратимся к жизнеописанию младшего, ибо его сложная и непрямолнейшая судьба, удачная на земле и гораздо менее успешная на Небесах, коснулась моей стези и составляет предмет настоящих воспоминаний.

Асаф – так звали нашего героя – с радостью поменял дом учения на торговый дом. Он тянулся к практическому делу. Довольно скоро Асаф уяснил, что служба скромного приказчика отнюдь не синекура и не осчастливит его богатством, а

отца – родительской гордостью. Скопивши немного денег, он решил пуститься в самостоятельное плавание по морю удачи и риска.

С чего начать? Терпением Господь не наградил Асафа. Поразмышляв и очень скоро утомившись этим занятием, он не захотел растрачивать скоротечное время молодости на долгие поиски наставников и решил обратиться ко мне. Я по достоинству оценил этот шаг: во-первых, Асаф не был предубежден против меня, а, во-вторых, парень обнаружил редкое для молодого человека понимание великой ценности и абсолютной незаменимости кратких юных лет.

– Ты намерен заняться торговлей, не так ли, Асаф? – спросил я.

– Да, Сатан, – ответил мой гость, – мне нужны твои советы – за что братья вперед?

– Как понимаешь ты суть сего занятия?

– Очень просто – подешевле купить, да подороже продать!

– Это важно, а еще?

– Покупателей много – цена высокая, клиентов мало – то-

вар дешевле.

– Bravo, Асаф! А деловые поприща ты уже избрал?

– Разумеется! Есть в наших местах один изобильный товар, а в дальнем городе он в диковинку. Нажива улыбается и ждет меня. Вот только посоветуй, Сатан, как дело начать!

– Тогда, Асаф, слушай внимательно!

– Внемлю!

– Да будет тебе известно, что племя покупателей подразделяется на четыре категории: первая – те, которые верят сказанному, но не верят написанному; вторая – верят написанному, но не верят сказанному; третья – верят всему, то есть и написанному, и сказанному; и, наконец, четвертая – не верят ничему, то есть ни написанному, ни сказанному. Учти, Асаф, что классификация есть условие всякого познания, ибо она побеждает хаос. До сих пор понятно?

– Понятно, Сатан! Давай дальше!

– Я продолжаю. В своем городе, где ты намерен закупать товар для продажи, на дороге, ведущей к рынку, установи двое ворот в виде арок. Одни дальше от рынка, другие – бли-

же к нему.

– Да откуда ж у меня деньги-то на постройку?

– Займи! Хоть у старшего брата, что ли. Затраты вернутся сторицей. Всякое начало трудно, а зачин дело красит!

– Займу, – сказал Асаф, погрузнев.

– В тот день, когда станешь закупать товар, на дальних от рынка воротах выведи надпись: “Сегодня товару много, и он дешев! Уточнение – у ближних ворот”. На ближних воротах напишешь: “Сегодня товару мало, и он дорог!” Наймешь двух глашатаев, поставишь по одному у каждого ворот, и пусть кричат во всю мочь то же самое, что написано на воротах. Ясно?

– Как будто бы... Крикунам придется платить...

– А теперь – изюминка! Запоминай. Подходит, стало быть, к дальним воротам человек, который ничему не верит, то есть покупатель четвертой категории по моей классификации. Видит он надпись, мол, всё хорошо, слышит крик глашатая о том же самом, и поворачивает назад, как и велит ему недоверчивая его природа. Далее. Покупатель третьей категории, который верит всему, радуется на дальних подступах

к рынку и продолжает путь. Вот только предстоящее уточнение беспокоит его. Дойдя до ближних ворот, прочтя и услышав, как всё худо, сплюнет с досады и повернет назад. Итак, Асаф, половину покупателей мы отправили домой!

– Есть еще первая и вторая категории!

– Правильно! Половина покупателей первой категории, которые верят сказанному и не верят написанному, дойдя до дальних ворот, и, сбитые с толку, отправляются домой, а остальные рискуют следовать вперед. У ближних ворот половина оставшейся половины начинает чувствовать себя одуроченной и поворачивает назад, а прочие, самые оптимистичные, попадают на рынок. То же самое происходит и с покупателями второй категории, которые верят написанному, но не верят сказанному. В результате лишь малая часть покупателей оказывается на рынке в твой день, и ты приобретаешь товар задешево!

– Это восхитительно, Сатан! – воскликнул Асаф, – а как я должен поступать, продавая товар на рынке в другом городе?

– Там тебе нужно будет добиться как можно большего числа покупателей, чтобы поднялся спрос, и выросли цены. Тебе потребуются возвести двое ворот, нанять глашатаев и поменять надписи. На дальних воротах напишешь “Сегодня

товару мало, и он дорог. Уточнение – у ближних ворот”. А на ближних воротах будет красоваться надпись: “Сегодня товару много, и он дешев”. Покупатель, который ничему не верит, побывав у дальних ворот, побежит стремглав вперед, и на радостях не станет читать надпись на ближних воротах и слушать тамошнего глашатая, и примчится на рынок. А тот, который верит всему, у дальних ворот понадеется на уточнение и продолжит путь, а у ближних ворот возрадуется своей прозорливости, и вот он уж на рынке. С покупателями первой и второй категорий произойдет то же самое, что и в твоём городе. Таким образом, почти все, кому нужен товар, будут толпиться у твоего прилавка, и ты продашь много и задорого!

3

Вот какие воспоминания однажды нахлынули на меня. Прошли годы. Как-то раз я повстречал Асафа. Богатый коммерсант. Собственный выезд у него, золотые часы, бриллиантовые запонки и прочие атрибуты процветания. Ах, как он обрадовался мне! “Благодаря тебе, дорогой Сатан, я преуспел в торговле! Как много дали мне твои советы!” – твердил купец, почтительно пожимая мне руки и тепло обнимая.

Асаф поведал мне, что отец его жив, дай Бог до ста двадцати. Сын поддерживает старика, купил ему хороший дом, нанял слугу. Да и старшему брату он оказывает вспоможение, ибо народная любовь и всеобщий почет недостаточны

для прокормления многодетной семьи. По поводу коммерческого успеха младшего брата, старший говаривал: “Ах, какая нажива, какая нажива! Мне б такую!” А младший отвечал, хитро усмехаясь: “Не терпением, а нетерпением всего достигнешь!”

Теперь бедный Асаф томится в аду, ибо состояние свое он составил несправедливым путем. Это я научил его обманывать людей. У меня были хорошие намерения. В моем мозгу созрели новые коммерческие идеи. Мне необходимо было проверить их на деле. Как нельзя кстати обратился ко мне за советом Асаф. И вот вышло, что я подстрекнул смертного на совершение греха, и теперь, он, злополучный, принимает адские муки. Выходит, отчасти справедливы упреки в мой адрес. Да, справедливы, но лишь отчасти! Разве упиваюсь я страданиями несчастного? А если кто из читателей подумал, что в основе коммерции лежит обман, а сами коммерсанты – люди нечестные, то я спорить не стану.

Драгоценные алмазы

1

Я уж не раз сокрушался перед читателями о распространном в людской среде предубеждении против меня. Да что толку плакаться – двуногие слезам не верят, им дело подавай! А каким должно быть дело? Необходимо сотворить нечто столь значительное, что впечатлит человеков, изменит их точку зрения на мою личность, или, по крайней мере, со-

здать положительный противовес отрицательным мнениям. К несчастью, я небезгрешен, и это обстоятельство поднимает на огромную высоту требования к предстоящему деянию. У нас, на Небесах, я привык творить ценности духовные, но для земли я изобрету нечто утилитарное, ибо именно такого рода вещи понятны людям. Человек полюбит того, кто придумает ему новую потребность и удовлетворит ее.

Мне следует позаботиться о том, чтобы плод моего рвения был полезен обеим половинам человечества – самой лучшей, и просто лучшей, то бишь и женщинам, и мужчинам. Иными словами, демократичность и общедоступность должны стать неотъемлемыми чертами моего будущего творения.

Перебрав в уме различные возможности, я принял решение подарить землянам драгоценные алмазы. То есть камни эти испокон веку известны людям, которые хранят их в сундуках без всякой пользы, но вот тайну изумительной красоты минералов нерасторопные человеки пока не открыли.

Я научу людей вселять чудесную красу в холодный камень, придавать ослепительный блеск прозрачным граням, чтобы цвета радуги радовали восхищенный взгляд. Всему человечеству будет предназначен сей дар, который, смею надеяться, пробудит в сердцах добрые чувства к ангелу по имени Сатан. Женщины начнут рьяно украшать себя и станут

упиваться восторгами друзей и завистью подруг. А мужчин я навсегда избавлю от мук выбора преподношений дамам.

Справедливости ради я должен заметить, что до принятия настоящего решения я никогда не огранял и не шлифовал алмазов. Разумеется, этот факт ничуть меня не смутил. Сотворив воинство Небесное, то бишь ангелов, Господь выделил из их числа самых важных и ответственных (Сатан, конечно, принадлежит к этой славной когорте!) и вложил в головы своих фаворитов всевозможные доопытные умения. В частности, Всевышний изначально наделил меня компетентностью в земных ремеслах. И хоть не привычны были руки ни к топорам, ни к камням драгоценным, но наличие априорных знаний вселяло уверенность.

Интуиция – дар Божий – помогла мне отыскать необходимый сырой материал и изготовить искуснейшие снасти для работы. Я принялся за дело. Пробудились данные мне свыше способности. В органы труда они посылали таинственные импульсы, которые приводили в движение пальцы рук, нацеливали зрачки глаз, правили художественным чутьем. Воистину, интуиция проворна.

Очень быстро освоил я сложнейшее ремесло. Как изумительно красивы были ограненные мною алмазы! Филигранная работа, вершина мастерства! Не склонный к самохваль-

ству, я, тем не менее, не удержался и показал плоды рук своих небесным моим друзьям – старшему над раем ангелу Михаэлю и владыке ада ангелу Насаргиэлю. Я наслаждался выражениями искреннего восхищения.

2

Итак, я совершил первый шаг на пути преодоления людских предубеждений против меня – я воплотил идею в материю. Мое ноу-хау станет основой дара, который я преподнесу землянам. Да, да, именно основой дара, а не самим даром, ибо я сотворен Богом не для страстей мирской суеты внизу под облаками, а для заоблачных свершений. Поэтому я должен найти способного ученика из смертных и передать ему секреты мастерства, а он, в свою очередь, вырастит плеяду собственных учеников, и не счесть будет алмазов каменных на руках и в ушах прекрасных дам. Земля станет красивее, ибо украшая женщин, мы украшаем мир.

Я нашел подходящего человечка, выучил его, и он открыл мастерскую на земле. Естественно, ему потребовались ученики и подмастерья. Как завоевать сердца будущих коллег? Головы у людей устроены консервативно, боится человек неизведанного, а спросить-то не у кого – дело это пока неизвестное, как бы не обмишуриться!

Первый в мире гранильщик алмазов избрал не лучший путь привлечения учеников. Он положил себе за правило

врать соискателям будущих благ, мол, ремесло вас ждет простое, работу освоите быстро, легко втянитесь, сразу полюбите дело, и высокие заработки не за горами. Рассчитывал он на леность ума человеческого: пусть только начнут, и уж не захотят новых перемен. Как говорится, коготок увяз – вся птичка в силках. Обещания легкой жизни соблазняли беспечных, но вскоре слишком многие покидали мастерскую, разочарованные бременем труда.

Тут я вспомнил о тех незадачливых мудрецах, которые, желая приобщить к вере прозелитов из безбожников, убеждали своих подопечных в крайней простоте соблюдения заповедей и в практической пользе оных. Дескать, ядрышко Писания одолеете, стоя на одной ноге, а мякоть премудрости, что вокруг ядра, – это уж совсем просто, пойдете, да шутя и уразумеете! Скуден бывал урожай, а колоски вырастали все больше квелые, чахлые. Обман остер как шило и не держится в мешке. Мудрецы оппозиции не одобряли таких приемов, упрекая коллег в недалёковидности.

Как бы там ни было, но алмазы пробили себе дорогу. Ограненные и отшлифованные не самыми искусными руками, они не сверкали столь ярко, как я на это рассчитывал, но их природные достоинства брали свое. Дар Сатана человечеству был оценен, но не вполне, и это огорчало меня.

Однажды к моему земному выученику пришел молодой парень по имени Барух и сказал, что хочет попробовать себя в алмазном деле. По своему обыкновению наставник принялся излагать юноше выгоды избранного им ремесла – и немудреное-то оно, и овладеть-то им легче легкого.

Барух выслушал внимательно речь учителя, надолго задумался и, наконец, заявил, мол, даст ответ на следующий день. Утром он явился в мастерскую и сказал хозяину, что ремесло ему показалось весьма стоящим, он восхищен великолепием алмазов, и сам желает создавать эту красоту. Однако он не станет здесь учиться, ибо не верит, что прекрасное создается легким трудом.

Мастер был глубоко обижен отказом и крайне удивлен его причиной. Он даже сообщил мне на Небо о небывалом курьезе. Я пожелал встретиться с Барухом, подозревая незаурядность там, где ординарный ремесленник увидел неразумие.

Когда юноша предстал передо мною и откровенно изложил свои воззрения, я в очередной раз убедился в собственной проницательности и в глубоком понимании людей. Дальнейшие события не только подтвердили мою правоту на момент знакомства с Барухом, но и показали, что даже та высокая оценка, которую я дал способностям Баруха, нуждалась

в корректировке в сторону повышения. Это ли не свидетельство того, что нет пределов совершенству и совершенствованию моего разума?

Мне жаль было отпускать от себя перспективного юношу. Вспоможение таланту, возвращение его – вот дело бескорыстного мецената, каковым я являюсь. Барух достоин того, чтобы я сам стал передавать ему секреты мастерства и красоты. Я взял парня в учение.

О, нет, Барух не просто перенимал мою сноровку! Всякое мое указание он подвергал скрупулезному анализу, выдвигал альтернативы, пробовал и так и сяк и, приняв к исполнению, непременно что-нибудь добавлял или убавлял, а то и улучшал. Простой смертный, обыкновенный уроженец земли, совершенствует мастерство небесного ангела – это ведь настоящее чудо!

Чтобы наглядно и достойно продемонстрировать душивший меня восторг, я отыскал в заоблачных закромах самую прекрасную жемчужину, острием алмаза вывел на ней каллиграфическими буквами надпись “Восхитительному ученику от восхищенного учителя!”, поместил сверкающий белозной перл в футляр, выложенный изнутри черным бархатом, и преподнес Баруху.

Как чудно сверкали алмазы, изготовленные моим учеником! Истинная красота, подлинное искусство!

Раз донесли мне, что Барух, трудясь в своей мастерской, лишь половину дня посвящает гранению и шлифованию алмазов. В оставшиеся же часы он занимает работой не руки, а голову. Встревоженный, я спустился к нему на землю для откровенной беседы.

Барух встретил меня рассеянным взглядом – я оторвал его от книги. Алмазы были заперты в железном шкафу, рабочие снасти бездействовали. Наконец, он узнал меня, горячо приветствовал, усадил напротив себя и приготовился слушать. Я начал расспросы, Барух по обыкновению своему отвечал лаконично и емко.

Мой бывший ученик поведал мне, что не хотел ограничиваться творением красоты материальной. Его пытливый ум влек его вдаль и ввысь, в сферу духовную. Усовершенствовав мое совершенное мастерство огранения алмазов, Барух всерьез задумался над Священным Писанием. Если он смог развить искусство Небесного ангела, то тем более ему под силу углубить мысли земных мудрецов. И Барух направил исконную свою страсть к познанию старого и творению нового в область веры.

Я не знал, огорчаться мне или радоваться. Барух стал изготавливать меньше алмазов, и этим убавлял от славы моего дара человечеству. Зато сердце в груди ликовало при мысли, что мое наставничество открыло великий талант.

Однако если искусство рук Баруха доставляло почет ему и отчасти мне, то взлеты его ума несли одни лишь разочарования нам обоим. Мудрецы напрочь отвергли открытия гения, прокляли и его самого, и книги, им сочиненные.

Изнуренный тяготами двойных трудов, Барух безвременно скончался. И тут случилось худшее. Высший суд, рассматривая дело усопшего, против всякого ожидания придал значение продиктованным завистью никчемным рекомендациям мудрецов, обвинивших гения в богоотступничестве. Так Барух попал в лапы моего коллеги Насаргиэля, владыки ада.

Мне оставалось утешаться мыслью, что я сумел пренебречь уколом самолюбия, когда Барух превзошел меня, а вот земные горе-мудрецы так и остались в плену собственной косности. Они же указали на меня пальцем как на виновника мерзости, воспитавшего отщепенца веры – дескать, опять Сатан удружил нам. Сколь малого достиг я для себя самого, одарив человечество – бегал с топором за комаром!

Ему с ними не по пути

Благодарные читатели порой упрекают меня в чрезмерной, по их мнению, реалистичности моих сюжетов. “Твои рассказы, Сатан, – говорят они, – правдивы скрупулезно, до мелочности даже. Иной раз хотелось бы вещь полегче, для души, ну, скажем, сказку!” Возможно, они правы. С некоторых пор люди стали утверждать, мол, глас народа – глас Божий. Повторяют за великим пророком, как-то изрекшим: “Клик шумный из города, голос из храма, голос Господа...”

Воля книгочехя – закон для художника слова. Поэтому настоящий рассказ является по существу небылицей. Очень может быть, что мне не удастся до конца повествования выдержать своеобразие фантазийного жанра, и я собою на привычный для меня прямолинейный реализм. Последний есть безобразное чудовище, в то время как сказка, особенно со счастливым концом, выражает надежду на счастье. Однако я заранее прошу снисхождения к неопытному сказочнику.

Чтобы в моей истории басенный мотив был хорошо узнаваем, я избрал распространенную фавулу: у короля подросла дочь необычайной красоты и ума, но капризная и норовистая, отец желает выдать принцессу замуж, устраивает состязания женихов, а далее посмотрим, что из этого выйдет.

Я надеюсь, что обсуждение в самом начале истории одной важной ее идеи не убавит интереса к последующему изложе-

нию, а, скорее, завоюет внимание читателя.

Существует мнение, будто бы успех есть результат дерзости. Народная мудрость со свойственным ей лаконизмом утверждает: “Кто смел, тот и съел”. Мы, ангелы, смотрим на землю издалека и замечаем всё, а люди глядят изблизи и видят часть. Я утверждаю, что упомянутая сентенция является необоснованным упрощением действительности. Бывает, и смелый споткнется, а робкий добьется. Потому как первый хочет взять все сразу, а второй согласен брать частями.

А теперь – к делу!

В одном благополучном королевстве жили не тужили король с королевою, и была у них единственная горячо любимая дочь, отрада родителей в старости, и звали ее Бланка. Принцесса, как и положено, выросла дивно красивой и необычайно умной.

– Девка на выданье, в самом соку, замуж пора! – грубовато выражался король.

– О, как я желаю счастья нашей Бланке! Дай Бог ей доброго, а, главное, верного мужа, – мечтательно, грустно и корректно вторила супругу королева.

– Не нужны мне сладкие узы, но ради вас, дорогие батюшка и матушка, я вступлю в брак! – заявляла Бланка.

– Не для нас, а королевства ради! Супругу твоему я должен буду передать корону, – уточнял король.

– У тебя на уме лишь власть, да политика, – упрекала мужа королева.

– Выйду замуж только по любви! – решительно провозглашала Бланка.

Король зарекомендовал себя человеком действия. И веры. Он твердо верил в могучую силу соперничества, ибо состязание выявляет лучшего. Поэтому на широких просторах королевства глашатаи громогласно объявили, что прекрасная Бланка собралась замуж, и ей срочно требуется жених, который, во-первых, придется по сердцу принцессе, а, во-вторых, будет достоин унаследовать корону после смерти монарха.

Утонченная душою, Бланка назвала поэтический дар критерием для избрания мужа. Лучшие в стране молодые стихотворцы загорелись желанием попытать счастья. Природа поэта небесно-возвышенна, но и земные блага ей не чужды. Этот факт был подтвержден необычайно многочисленным съездом молодых дарований на соискание двух самых высо-

ких призов в государстве.

Состязание талантов происходило в одном из лучших залов королевского дворца. На троне, с золотым венцом на голове, важно восседал монарх. Две прекрасные дамы сидели по обе стороны от него. Справа в роскошном кресле располагалась супруга короля, а слева, на обитом шелком низком пуфе устроилась Бланка. Лицо ее выражало независимость и, отчасти, скепсис. У стены чернела толпа соискателей руки и короны.

Борение началось. Поочередно на сцену поднимались молодые дарования, повелители стихотворной музыки, кудесники рифм, сочинители вирш. Одни преподносили оды прекрасной Бланке, другие славил владыку королевства и его супругу. Каждый создал стих по влечению сердца его. “Кому поп, кому попадья, а кому попова дочка!” – пробормотал недовольный монарх. Королева грустила, а принцесса презрительным жестом отвергала претендентов одного за другим.

Последним вышел на сцену невысокого роста юноша. На красивом лице его было написано вдохновение, бескорыстие светилось во взгляде, движения и осанка свидетельствовали о благородстве и родовитости. Он не декламировал оду принцессе и не славословил короля. Он пел поэти-

ческий гимн вечной, бессмертной, негасимой любви. Бланка вся обратилась в слух, щеки ее горели, глаза сверкали. Когда смолкли чудные, Богом внушенные слова поэта, Бланка вскочила со своего шелкового пуфа, кинулась к отцу с матерью, и, опустив глаза долу, прошептала: “Да!”

Прекрасные стихи тронули душу королевы. Принцесса влюбилась в поэта. Чего еще желать? Монарх не возражал против выбора дочери, но с неудовлетворением отметил про себя, что вот, вся семья королевская крупнотелая, головы под потолок, а жених-то ростом не вышел, корону наденет – а все равно над Бланкой не возвысится. Однако король политично промолчал – не в дюймах счастье.

Как бы там ни было, началась подготовка к свадьбе. У Бланки каждый дневной час был расписан: модистки, портнихи, примерки, укорачивания, удлинения, и так далее без конца. Подвенечное платье невесты есть родник вдохновения женщины на всю жизнь, как для поэта звезды и луна. Кстати, упомянутые небесные тела светили нашим влюбленным по вечерам, когда они чинно прогуливались по дворцовому саду. Жених целомудренно держал в своей ладони нежную ручку Бланки. Он читал ей свои вдохновенные стихи, а она, трепеща, внимала. Им принадлежали небеса и земля и все, что на них есть.

Увы, ни небесам, ни земле не угоден был сей союз. Донесли принцессе, что поэтический ее жених не верен ей, он безмерно сластолюбив и вообще распутный беспутник. Велико было горе Бланки. Почти готовое подвенечное платье пришлось упрятать в сундук. Желая защитить честь семьи, король хотел было отдать приказ отрубить голову нечестивцу, но жена напомнила мужу о либеральном характере страны, и монарх, ворча, ограничился изгнанием беспутного распутника. Опечаленная королева размышляла о прихотливой наследственности, способной передавать зятю черты характера тестя.

Со временем сердечная рана Бланки затянулась, и король назначил новое состязание. Жестоко обманутая поэтом, на сей раз, принцесса пожелала выбрать жениха по признаку мужества и силы.

Король начал приготовления к рыцарскому турниру. Кони, кольчуги, железные шлемы, копья, мечи – обо всем позаботился монарх. Возведены трибуны. В центре сидит королевская семья. Претендентов на втором состязании было не так много, как на первом. Возможно, атлетов меньше, чем поэтов – никто не проверял – но, не исключено, что умалился пыл соискателей небесных и телесных наслаждений.

Бойцы разбились на пары. Победитель встречался с побе-

дитем. В конце турнира выявился герой дня. Могучего телосложения рыцарь снял с себя железные доспехи, воткнул в землю копье, подъехал на коне к королевской трибуне, спешился, преклонил колено, почтительно поклонился владыке, поцеловал руку королевы, затем – принцессы, встал, распрямил атлетический свой стан и застыл в ожидании, ни слова не молвя.

Король не взглянул на дочку, а кивком головы пригласил победителя во дворец для деловых переговоров. Наученный неудачным опытом, монарх не стал предлагать победителю немедленный брак с принцессой. “Я верен своему обещанию, – изрек король, – но добавляю к нему полгода испытательного срока!” Лицо рыцаря исказилось гримасой гнева. Он круто повернулся на каблуках и покинул дворец. В воротах победитель состязания столкнулся с Бланкой. Она невзначай уронила платочек и выжидательно взглянула на рыцаря. Тот поднял квадратик батиста, бросил его принцессе в лицо, и со словами “Не требую награды!” гордо удалился, негодуя.

2

От раза к разу огонь потрясения горит слабее, быстрее затухает, терпимее жжет. Сравнительно скоро Бланка оправилась от новой утраты. Надеялась, что сбудется ее прежняя мечта, и жизнь пройдет в безмятежном девичестве. Но не привык мириться с поражениями отец. Монарх вновь объ-

явил на всю страну, что лучшему из лучших молодых людей он отдаст в жену любимую дочь свою, а со временем – и корону.

Как и огонь потрясения, энтузиазм соискателей теряет силу с каждой новой неудачей. На третий конкурс явился всего лишь один авантюрист. Поскольку не было у него соперников, то, казалось бы, он побеждает автоматически. Но король думал по-другому: “Нет конкуренции, значит, нет выбора, а коли нет выбора, то и худший за лучшего сойдет!”

Однако не прогнал монарх претендента, ибо понравилось королю, что парень высокого роста, и Бланка ниже его. Это славно. Имя у юноши диковинное – Ерэд. Сказал, что он уроженец древнего племени. Тоже неплохо. Двое мужчин поговорили о том о сем. Отец познакомил пришельца с дочкой и удивился: “Не поймешь этих женщин. Вроде бы жердь-жердью, стихами не сыплет, и мускулов на нем нет, а загорелись глаза у девчонки!”

Король оставил пришельца при дворце важным министром – пусть себя покажет. “Присмотрюсь к нему, – подумал король, – а там уж решу, может, и выдам за него принцессу”. Ерэд оказался не гордым, покладистым, предложение короля принял и приступил к должности.

Как я уже отмечал в начале рассказа, скромный порой добивается большего, чем оваянный славой или упоенный гордыней. Ерэд взялся за дело с умом. Можно было бы сравнить его с библейским Иосифом, служившим у египетского фараона управителем казны. И в самом деле, своими советами монарху Ерэд помогал упрочению трона, а также весьма немало сделал для блага своего племени. Однако полная аналогия не складывалась. Скажем, Ерэд не толковал монарших снов, супруга венценосца не пыталась совратить молодого министра, и не было тощих коров в богатом королевстве, и не грозил народу голод.

Принявши во внимание первенство различия над сходством, Ерэд в часы досуга сосредотачивался на делах сердечных. Он много разговаривал с Бланкой, никогда, впрочем, не уединяясь с девицей. Беседы молодых проходили исключительно на родительских глазах. Он толковал с девушкой уважительно и серьезно о вещах практических и отвлеченных. Бланка бывала польщена почтительным разговором с умным молодым человеком и как-то раз проявила интерес к квадратно-буквенному алфавиту его народа.

Король и королева обсуждали меж собой развитие событий и, весьма довольные Ерэдом, с благосклонностью смотрели в лицо вырисовывающейся перспективе.

Однажды Бланка заявила отцу с матерью, что приняла веру народа, к коему принадлежит Ерэд.

– Доченька, как ты могла? Ведь они нашего бога убили! – всплеснула руками королева.

– Это ложь, матушка! Не убивали они! – вскричала Бланка.

– Растрещались бабы о чепухе! – сердито перебил король.

– Вы любите друг друга? – смиренно спросила королева.

– Да, матушка, – прошептала Бланка.

– Уболтал хитрый Ерэд нашу крошку! – воскликнул король, притворно сердясь, – теперь положение необратимо! Чтоб честь семьи не уронить, придется выдать девку за долговязого!

– Спасибо, батюшка! – пропищала счастливая Бланка и бросилась отцу на шею.

– Вспоминаю я прежних твоих женихов, Бланка, – заметил король, – Ерэд скромненький, а тишком-ладком свое взял! Ему с теми не по пути. Тебя он завоевал, дочка, а вот корону-то

я ему отдать не могу. Придется тебе править!

– Кто знает? Такие берут не сразу, а частями, – добавила королева.

И лаской и таской

1

Мои коллеги на Небесах, старший над раем ангел Михаэль и владыка ада ангел Насаргиэль, уж не раз, и не два вопрошали меня, мол, объясни нам, Сатан, отчего жизнь мудрецов, которые из землян, столь обильна годами, и они подолгу не являются к нам, испытывая наше терпение? Наивные ангелы полагают, что если я являюсь бесспорным авторитетом в земных делах, то я в состоянии ответить на любой вопрос, касающийся людей. Я хоть и эрудит, но не всезнайка!

Небесные друзья любят однозначные ответы и не понимают, что жизнь двуногих весьма сложна, и, как правило, земные обстоятельства не имеют точного объяснения. Поэтому, за неимением достоверности, люди ввели в обиход такую штуковину как вероятность. Это очень удобный инструмент рассуждений: хочешь – верь, не хочешь – не верь. Разумеется, я принял на вооружение прогрессивный подход и пользуюсь им. Поэтому на вопрос о причине долгожительства мудрецов я отвечаю предположительно, то есть в вероятностном духе.

Итак, возможно, Всевышний удостоивает знатоков Слова Господня долгой летой, потому как их присутствие на земле крайне важно для людей заурядных, коих есть подавляющее большинство. Ведь по замыслу Бога мудрец обязательно является праведником и, стало быть, приносит человечеству двойную пользу – он является внушающим доверие образцом благочестия и одновременно толкователем и пропагандистом Писания. Такое объяснение правильно с известной вероятностью. Оно хоть и не доказано наукой, но подхвачено верой, и уж хотя бы поэтому приемлемо.

Наблюдения показывают, что обычные люди к старости слабеют умом. С мудрецами дело обстоит как раз наоборот. Седобородые знатоки Книги до самого последнего мгновения жизни сохраняют ясность мысли. Чтобы понять сей феномен, человеку простой веры не требуются головоломные и, как всегда, вероятностные научные мотивировки. Ясно и без них – мудрец изо дня в день беспощадно нагружает свой разум, а постоянные упражнения есть залог здоровья.

Чем больше лет остается позади и меньше впереди, тем светлее рассудок старца, и взгляд его все глубже проникает в толщу тайн мироздания, постигая замысел Всевышнего. Воистину, в тщедушном теле живет могучий дух. Не диво, что ученики наставника горько оплакивают кончину престарелого учителя, и десятки тысяч простого народа в черных

одеяниях провожают мудреца в последний путь.

2

Этот рассказ посвящен бытию славного Эльханана. На три равных части был поделен жизненный путь мудреца, продолжавшийся долгих сто двадцать лет, из которых начальные сорок благополучных сменились сорока блаженными, за которыми, в свою очередь, последовали сорок счастливых.

Первую треть отпущенного ему срока пребывания на земле молодой Эльханан жил и мудрствовал в некоем малом городке. Название места я не открою, так как история его была омрачена тяжелым грехом, а я не хочу вредить репутации ныне благословенного края – ведь обыватели оногo совершенно отмежевались от когда-то попутавших их заблуждений.

В дни молодости Эльханана большинство обитателей его родного городка жило бедно. Но “бедно” вовсе не означает худо, и, уж тем более, скудость не есть синоним бездуховности. Радость сотворения молитв и сладость от сознания строгой верности заповедям наполняли сердца людей содержанием и довольством.

Население было поголовно грамотным. Учились все и всю жизнь. Молиться, говорить и читать мальчишки начинали одновременно. Для их образования создавались специальные

школы, где они с пользой проводили время от утренней до дневной молитвы под началом учителя. К четырем годам они уже знали алфавит, умели складывать из букв слова, представляли себе в общих чертах обстоятельства сотворения мира и человека. Девочки получали домашнее образование, учась по облегченным книгам. Дочерей просвещали матери.

Эльханан пользовался всеобщим уважением. Люди справедливо видели в нем духовного пастыря. К кому же, как не к городскому мудрецу, идти за советом, благословением, разрешением сомнений? Эльханан говаривал своим прихожанам: “Сомнение – враг веры, антипод счастья, путь к греху!” Почти все горожане отдавали дань его уму и образованности. То были его люди. Но завелось гнилое зернышко в колосе, и здоровые зерна заражались. За коварным словом “почти” скрывалась беда.

Сравнительно далеко от упомянутого скромного городка, но на расстоянии, доступном для гужевого транспорта, раскинулся большой город, живший иными ценностями. Эльханан всерьез опасался рокового соседства. Тамошние обыватели совершенно забыли Бога, отдавали свое время суете мускульных и мозговых трудов и приносили бесконечные жертвы языческим богам наслаждений и богатства.

Не диво, что в большом городе, вследствие злоупотреб-

ления бездуховной работой, множились ее плоды. Иными словами, продукты труда становились непомерно обильны, и для сбывания их требовались новые рынки. Потянулись груженные подводы из большого города в наш малый городок.

Людам рта не заткнешь. Покупатели спрашивали, продавцы отвечали; покупатели дивились, продавцы насмехались; покупатели завидовали, продавцы делились опытом. История, известная с давних пор: везут с одного конца света в другой товары, и слабые народы перенимают обычаи у сильных, и не все этому рады. Нынче старинной практике придумали новые мистические имена: глобализация и противостояние культур.

Кончалась эпоха благолепия. Поскольку спуск легче подъема, маленький городок стал перенимать манеры большого города, а не наоборот. Начало казалось безобидным – землячки Эльханана стали мостить улицы. Казалось бы, что тут плохого? Только хорошее! На булыжной мостовой грязи меньше, чем на грунтовой. Однако по хорошей дороге больше грузов попадет на рынок, оживится торговля, а проведенное у прилавков время будет отобрано у молитвы. По гладкому пути и дорогая карета легко проедет – лишний соблазн для людей достатка.

Дальше – больше. Домохозяйева развели огороды, а то и са-

ды. Купили железные плуги. Расширили мастерские, освоили новые ремесла. Принялись строить дома из камня. Через городскую реку перекинули мосты. Возвели монументальные бани. Потакая шарлатанству, учредили больницы. Поставили на тротуарах фонарные столбы – осветили улицы, чтобы по ночам кавалерам с барышнями приятнее было прогуливаться под ручку. Впрочем, в данном случае свет, хоть и тусклый, полезен – уменьшает риск грехопадения.

В школах заменили изучение священного языка Господа на дикий заморский язык, а вместо Писания стали преподавать бредовую математическую задачу о квадратуре круга. Горячие головы из среды новых наставников юношества всерьез утверждали, будто люди когда-то давным-давно были обезьянами и лазили по деревьям. А городские сумасшедшие на своих уличных сходках бесстыдно вопили, мол, для того, чтобы выйти замуж, не обязательно быть персоной женского пола.

Храм Эльханана практически опустел. Молодежь забыла дорогу в молельный дом. Только готовящиеся к смерти старики по-прежнему собирались на молитву. Добрый век бедности и равенства духовного сменился смутным временем наживы и неравенства социального. Мудрец возвысил голос и горестно, как Иов, несчастнейший из смертных, вскричал: “...То, чего опасался я, пришло ко мне. Не успокаиваюсь я,

и не утихаю, и не отдыхаю, и пришел ко мне трепет”.

Эльханан пребывал в отчаянии. Как вернуть людей в лоно веры? Мудрец выходил на площадь и, что есть мочи, голосил: “Одумайтесь, люди! Поверните лик ваш к святости! Мосты нужны богачам, что бы разживаться на пошлинах; в банях вы видите наготу друг друга, и гнусные мысли невольно родятся в головах; врачи изобретают болезни, дабы обогащаться за ваш счет; рынки учат обману; в веселых домах блудницы отнимают невинность у юношей!” И так далее, и в том же духе.

Поздно! Страшно не нравились городским властям нелепые призывы ретрограда. Что делать с анахроничным мудрецом? “Эльханан – общественный атавизм!” – заявил один из депутатов городской управы на чрезвычайном ее съезде. “Эльханан – наше несчастье!” – подхватил другой. “Что такое душа без печени и селезенки?” – насмеялся третий. Было решено изгнать Эльханана из города. Окончился для него сорокалетний этап благополучия.

3

Мудрец стал парией? Нелепость, несправедливость, преступление!

Изгнанник избрал для проживания заброшенную пещеру вдали от городка. Здесь не ступала ни нога человека, ни ла-

па зверя. Только птицы кружили в небе и криками своими напоминали Эльханану о беспредельности земной юдоли и бесконечности жизни.

Отверженный очистил пещеру от острых камней, ближний ручей служил ему для утоления жажды, соседний лесок снабжал ягодами и кореньями, каменный свод жилища защищал от непогоды. Аскету большего и не требовалось.

Не с пустыми руками отправился в изгнание Эльханан. Плечи оттягивал полный мешок Святых Книг. Слабых чело-
веков не винил он, только себя самого упрекал в случившемся с его городком несчастье. Видно, как-то не так учил людей добру. Возможно, он не вполне проник в замысел Господа. Книги при нем, и теперь долгие годы можно без помех вникать в Слово Божье.

Перспектива многолетнего одиночества не слишком удручала Эльханана, и настроение прежнего отчаяния сменилось надеждой. Во-первых, углубленное штудирование Священного Писания само по себе есть высокое наслаждение. Во-вторых, мудрец твердо верил, что непременно найдет средства исправления бывших сограждан и вернет им духовность, а сам вернется в городок.

Один за другим текли годы учения. Вдохновенная муд-

рость молодости сменялась мудростью зрелости. Пусть моим читателям не покажется странным тот факт, что пребывание в необитаемом месте ничуть не убавило оптимизма изгнанника. Человек, окутанный духом Божественного знания, никогда не чувствует себя одиноким или отверженным.

Однажды Эльханан увидел, как подкатила ко входу в пещеру золотая колесница. Лошади остановились, били копытами о землю. Мощная фигура направилась к Эльханану. “Я – пророк Эльяу!”, – представился неожиданный гость. Впрочем, мудрец и сам догадался, кто к нему пожаловал.

Эльяу не любил долгих разговоров. Он потребовал от Эльханана назвать причину изгнания. Выслушав, пророк воспылал гневом на беспутство горожан. Эльяу, как известно, славился нетерпимостью ко всякого рода безбожию, меры его бывали решительны, круты и порой беспощадны.

“Немедленно возвращайся! – приказал пророк изгнаннику, – созови на площади городской совет, и пусть как можно больше простых горожан присутствуют на вече. Объяви во всеуслышанье, что даешь этим безбожникам три дня на исправление, а ежели не образумятся – мучиться им в аду вечно! А если хочешь, Эльханан, я помогу тебе, я сожгу огнем этот Сдом. И да будет его пример другим наука!”

Сказавши сии грозные слова, Эльяу взошел на колесницу и умчался прочь. Эльханан стал обмозговывать слова пророка, однако приказание его исполнять не торопился, ибо не был уверен в действенности крайних мер. Знания и опыт склоняют к умеренности. Прав пророк в том, что нельзя долее сидеть руки сложа и в книгу глядя – пришла пора подумать о делах. “Да, именно хорошенько подумать сперва, а уж потом действовать, – решил Эльханан, – как говорится, от спеху наделаешь смеху!”

Разумеется, от моего ока не укрылся визит пророка Эльяу к изгнаннику Эльханану. Я подумал, что настало время вмешаться в ход событий, побеседовать с мудрецом, и если надо – удержать, подтолкнуть, направить – смотря по обстоятельствам. Я спустился на землю.

– Приветствую тебя, многотерпеливый Эльханан! – воскликнул я.

– Рад тебе, благородный Сатан! – прозвучал ответ.

– Не претит тебе встреча с Сатаном?

– Отнюдь! Мудрость привила мне иммунитет к предубеждениям.

– Хорошо сказано! Сколько лет ты пребываешь в изгнании?

– Сорок лет продолжаются блаженные года.

– Тоже неплохо. А теперь – к делу. Мне известна твоя история, а также приказ Эльяу. Что предпринять думаешь?

– Думаю. Прошу твоего совета.

– За этим я и спустился к тебе на землю. Не страшай своих грешников муками ада, а соблазней радостями рая. Так скорее они вступят на путь праведности.

– А поверят мне?

– Ну, разумеется! Скажи, что, как только исправятся они, непременно явится к ним Спаситель и вознесет их высоко-высоко, и будут они царствовать над прочими народами. Главное, напомни, что они избранные Божьи – это всем полюбится.

– Да ведь они теперь живут в достатке, захотят ли вернуться к скудости?

– Им не грозит бедность. Упрямцы, не поддавшиеся тво-

им убеждениям, будут полезны – они станут содержать вернувшихся к благочестию. А богачи из твоего городка, которые переселились в соседний большой город, деньгами поддержат земляков.

– Спасибо, Сатан!

– Я рад, если помог тебе, Эльханан.

Теперь, благодарные мои читатели, я сообщаю вам, что после сорока лет изгнания Эльханан вернулся в родной край. Он воспользовался моим советом, но и приказом пророка Эльяу не пренебрег. Действовал и лаской и таской. И, представьте себе, добился впечатляющих результатов. Очень многие обитатели городка отмежевались от грубых телесных радостей и вернулись к богоугодному существованию. Живут духовно и безбедно, как я и предсказывал.

Сорок счастливых лет наставлял Эльханан лучших из горожан. А когда исполнилось ему ровно сто двадцать, и пробил его смертный час, и он умер, десятки тысяч простого народа в черных одеяниях проводили его в последний путь – на Небеса.

После ухода Эльханана горожане продолжают жить счастливо и достойно. Правда, небогато, но сытно. И терпеливо

ожидают прихода Спасителя.

Знать или не знать

1

Право, мудрецы приносят пользу. Я намерен рассказать историю, которая с очевидностью докажет это утверждение. Произошел недавно со мною примечательный случай. Некий мудрец глубокомысленными вопросами подвинул меня на важные размышления, в результате коих я прояснил для себя смысл одного всемирного закона, установленного Господом. Поверхностное знание сменилось проникновением в суть. Я нащупал причину там, где прежде видел только следствие.

Во время одного из последних моих вояжей на землю явился ко мне на постоялый двор, где я поселился, почтенного вида человек лет этак пятидесяти, представился мудрецом и сказал, мол, хочет иметь со мной беседу. Гладкий высокий лоб свидетельствовал о большом уме, белизна ухоженных пальцев указывала на то, что им известен единственный вид труда – переворачивание страниц книги, глаза смотрели пронизательно и печально.

– Доброго тебе здоровья, Сатан, и долгих лет жизни! – вымолвил гость.

– Об этом Всевышний побеспокоился: ангелы живут веч-

но и в неизменном здравии. А ты, землянин, прими мои наилучшие пожелания, – ответил я.

– Благодарю! Услыхать добрые слова от самого Сатана – большая честь для меня. Дело мое вот какое. Есть у меня сын, светлая голова, но нечестивец. Забыл Господа и выучился безбожным наукам в университете.

– Знание – сила, – попытался я утешить визитера.

– Или слабость, – с грустью заметил мудрец, – об этом речь впереди. Задумал, стало быть, мой отпрыск сочинить научный трактат о смерти. Зачем ему, молодому, за горизонт жизни заглядывать? Лучше б женился и порадовал отца внуками! Ну да ладно, это так, к слову, за другим я пришел.

– Смерть, она, конечно, в Высшей воле, но мы, на Небесах, толерантны к мнениям двуногих авторитетов, – с присущим мне великодушием вновь попытался я успокоить мудреца, – так в чем же состоит твое дело?

– Грамотею моему потребовалось выяснить, почему от человека скрыты год и день его смерти? Он послал меня к тебе с этим вопросом. Дескать, желает узнать причину из первых уст. А потом вставит твои слова в свой трактат.

– О, мудрец, я польщен доверием земной науки и всегда мечтал быть цитируемым в ученых трудах. До сих пор я только сам себя цитировал, украшая собственные сочинения. Прими во внимание, что основательность требует времени. На Небесах я дотошно разберу дело, призову тебя в следующий свой прилет на землю, и обещаю исчерпывающий ответ.

2

Я знал, что сохранение в тайне от человека даты его смерти есть незыблемая норма бытия, установленная Всевышним. Но какова цель, и в чем причина? Об этом я прежде не задумывался. Я бы мог обратиться с вопросом к Богу, но мне не хотелось показывать Ему свою неосведомленность. Я решил разобраться сам, призвав на помощь старшего над раем ангела Михаэля и владыку ада ангела Насаргиэля. Спасибо мудрецу, он подтолкнул меня к поиску нового знания.

Мне удалось заразить Михаэля и Насаргиэля своей любознательностью. Мы собрались втроем и стали обсуждать проблему. Каждый выкладывал то, что знает. Мы констатировали, что в отношении добра и зла действует начертанный Богом мировой закон сохранения статус-кво. Иными словами, между добром и злом существует вечное равновесие. В условиях земного пространства и времени оно может сдвигаться то в пользу одного из двух составляющих, то в пользу другого, и тогда устанавливается новое статус-кво.

Далее мы решили выяснить, как бы вели себя при жизни нынешние обитатели ада и рая, если бы им была известна дата смерти. Михаэль и Насаргиэль весьма серьезно подготовились к исследованию. Они разработали опросные листы для своих питомцев. Обитатели ада были чрезвычайно рады временному прекращению мук и отвечали Насаргиэлю максимально подробно, чтобы потянуть время. Жители рая с меньшей охотой участвовали в опросе, ибо ради суетного занятия им пришлось остановить на некоторое время учение Святого Писания.

И вот какие парадоксальные результаты были нами получены. Насаргиэлевые мученики, как и все смертные, мечтали жить как можно дольше, но при этом не отказывая себе в удовольствиях греха. Однако всевидящее око Господа не желает слишком долго созерцать скверну, и поэтому, как правило, нечестивцы умирали сравнительно молодыми. Они признались своему нынешнему владыке, мол, знай они заблаговременно раннюю дату кончины, они бы непременно принялись вершить добрые дела в надежде избежать мук ада ради райских наслаждений. Отсюда Насаргиэль сделал вывод, что многие из его подопечных после смерти очутились бы не у него, а в епархии Михаэля.

В свою очередь праведники рая сообщили Михаэлю, что

они не без оснований надеялись на долгие лета, ведь в большинстве своем творцы добра живут долго. Но, что касается смерти, то уверенным можно быть только в ее неизбежности, но не во времени прихода. Поэтому, непривыкшие обманывать, обитатели рая честно признались, мол, если бы знали наверняка, как долго им предстоит жить, то, быть может, позволили бы себе немного погрешить. На основании такого признания Михаэль справедливо заключил, что кое-кто из благочестивых, умерев, пребывал бы у Насаргиэля.

Демография загробного мира однозначно указывает на существование превосходящую численность населения ада над численностью населения рая. Такое положение вещей не удивляет ни людей, ни ангелов – ведь на земле совершается гораздо больше зла, чем добра. Однако в контексте моего исследования это ординарное обстоятельство занимает важное место.

Выяснив фактическую сторону проблемы, мои коллеги посчитали свою роль исполненной и устранились от дальнейшей работы. Разумеется, их посредственным умам не под силу делать теоретические выводы из фактов. Я же обязался дать исчерпывающий ответ мудрецу, да и самому мне необходимо было разобраться в деле до конца, чтобы ликвидировать пробел в познании замысла Божьего. Я мобилизовал силу своего интеллекта и выстроил логичную, внутренне

непротиворечивую и, бесспорно, верную концепцию.

Теперь рассмотрим факт количественного превосходства адского населения над райским в свете упомянутого выше всемирного закона сохранения статус-кво, говорящего о балансе между добром и злом. Напрашивается следующий вывод: малое количество добра уравнивает большое количество зла. Чтобы такое было возможно, элементы добра должны быть сильнее элементов зла.

Предположим, людям станет известна дата их смерти. В этом случае, как показали исследования Насаргиэля и Михаэля, часть грешников окажется в раю, а часть праведников – в аду. Между адом и раем возникнет встречное движение усопших. Поскольку, население ада в настоящий момент многочисленнее населения рая, то движение это будет неравновесным, то есть пациентов ада, переселившихся в рай будет больше, чем фигурантов рая, переселившихся в ад.

Демографическая картина на Небесах решительно изменит свою тональность, и рай станет многочисленнее ада. Тут мы снова применим всемирный закон сохранения статус-кво и увидим, что малое количество элементов зла уравнивает большое количество элементов добра. Следовательно, элементы зла станут сильнее элементов добра.

В этом пункте рассуждений я почувствовал, что мне необходима прорывная догадка. И она пришла! В самом деле, человечество не стоит на месте в своем развитии, а движется вперед, причем несомненные улучшения говорят о том, что движение осуществляется в прогрессивную сторону. Землянам, возможно, кажется, будто движение слишком медленно, но у Господа другие мерки. Поскольку перемены положительные, то ясно, что их осуществляют элементы добра.

Вот она, догадка! Только сильные элементы – а в настоящее время это элементы добра – способны развивать человечество. Если же объявить людям дату их смерти, то в роли сильных элементов окажутся элементы зла, как было показано выше. Ясно без лишних слов, в каком направлении зло поведет человечество!

Так вот почему добрый Бог скрывает от людей дату их смерти! Он хочет людям добра!

Теперь я чувствовал себя готовым к новой беседе с мудрецом. Пусть передаст своему образованному сыну мой ответ. Утру нос земному умнику!

3

– Доброго здравия тебе, мудрец, и долгих лет жизни! – приветствовал я своего гостя, сияя лицом и сгорая от нетерпения выложить замечательные результаты изысканий.

– Хоть и побеспокоился сам Всевышний о здравии и долголетии твоём, дорогой Сатан, но вежливости ради разреши пожелать тебе того же, – ответил мудрец, печальный, как и в прошлую нашу встречу.

– Спасибо. Разрешаю. Содержание взаимных пожеланий подвело нас вплотную к волнующей теме.

– Мой богоотступник-сын ожидает твоей версии решения старинной проблемы.

– Версия – не наш, не небесный термин. Я принес истину. Слушай же!

Я представил мудрецу окончательный итог, а также ход мысли, приведший к нему, и не забыл упомянуть о посильном вкладе Насаргиэля и Михаэля. Сознывая абсолютную необходимость научной добросовестности, я вручил отцу молодого ученого образцы опросных листов, место которым в приложении к будущей книге. Лик мудреца просветлел.

– Не нахожу слов благодарности, Сатан. Преклоняюсь пред силою ума!

– Ну-ну, будет тебе. Мой небесный долг просвещать зем-

лян.

– Разреши мне, премудрый Сатан, задать один вопрос из любопытства!

– Изволь!

– Как устанавливают Небеса, чей час пробил?

– В моем распоряжении трудится ангел смерти. Он пристально следит за добрыми и злыми делами людей на земле. Периодически он является ко мне и сообщает имена тех, кому, по его мнению, в ближайший год следует явиться на Высший суд. Ему требуется мое одобрение. Ангел смерти честен, но неграмотен. Поэтому свой перечень он не пишет на бумаге, а произносит вслух. Я доверяю результатом работы верного труженика и никогда не имею возражений против его выбора. Но, чтобы не обижать ангела формальным согласием, я придумал форму утверждения.

– Любопытно!

– У меня есть особая монета. На ободке ее выгравирована фраза “Что делать с душами?”. На одной стороне монеты выбито “Взять”, на другой – “Нельзя оставить”. Я вручаю ангелу монету, он подбрасывает ее, потом несет мне, и я читаю

ему выпавшую надпись. Он неизменно бывает доволен моим одобрением.

Мой гость вскочил со стула и бросился обнимать меня. “Великолепно! – вскричал восхищенный мудрец, – какой светильник разума горит!” Не скрою, я был польщен похвалой. Так ведь по заслугам же! Вот и говорю я вам, благодарные мои читатели: “Мудрецы приносят пользу! И я не оспариваю мнение скептиков, дескать, в жизни больше пустого, чем полезного”.

Сердце верит в чудеса

1

Припала мне охота поговорить о чуде. Возможно, некоторые благодарные мои читатели думают, что я создан Господом как творение абсолютно рациональное, и поэтому в мятежной моей голове Сатана никогда не рождалась в прошлом и не родится в будущем даже сама мысль о чуде. Всех, кто держится такого мнения, я заверяю в его ошибочности. Сейчас поясню.

Что есть чудо? Это событие, которое происходит вопреки естественному ходу вещей. Но почему ход вещей выглядит естественным для человеческих умов? Потому что он привычен! Сила же привычек велика, и они управляют людьми. А кто властвует над природой, то бишь естеством, и кто вселяет в землян представление о привычности? Разумеется,

Господь Бог! В Его власти на мгновение изменить, или, если угодно, преступить закон естества, допустим, ради некоей важной цели, и тогда свершившееся покажется чудом.

Итак, мы выяснили, что чудо возможно, ибо оно во власти Всевышнего, но прибегает Он к нему редко. Иначе говоря, перед нами вопрос количества, а не качества. Предположить, что я отвергаю мысль о чуде, значит, сделать нелепое допущение, будто я, ангел Господень, – безбожник!

Давайте будем обсуждать чудо на конкретном жизненном примере. Для этого нам придется окунуться в древность. Чудеса более характерны для давних времен, когда трубные голоса нечестивых скептиков не оглушали мир мнимой мудростью, зато истинные мудрецы доверяли честным свидетельствам очевидцев.

Приступим к обсуждению. Для начала коснемся темы законов, ибо исполнение их часто бывает связано с чудесами. Как известно, законы для смертных учредил сам Господь. Двунogie творения, соблюдающие установления Бога, после кончины оказываются в раю. Для тех, кто придерживается иных правил жизни, существует ад.

Над людьми поставлен царь. Дух и буква Священного Писания диктуют владыке следовать законам Господа и этого

же добиваться от подданных. Однако Небеса не предписывают монарху каждое его деяние, давая известный простор фантазии и страстям своего ставленника.

Два рода власти правят людьми – власть Небесная, то есть законы Бога, и власть земная – царские законы. Не только содержательное, но даже простое пространственное истолкование сих ипостасей указывает на возвышение Небесной власти над земной. Впрочем, любая власть придает своим законам некоторый отпечаток правды.

Увы, крив путь земной реальности, бесконечно далек он от Небесного идеала. Факты кричат о том, что царские законы не всегда в ладу с законами Создателя. Такое положение дел повергает смертных в тяжкие раздумья и мучительные сомнения – какие из противоречащих друг другу законов соблюдать – Божеские или царские?

Монарху и его подданным известно, что законы Господа имеют безусловный приоритет над законами царя. Нечестивый самодержец сделал свой сознательный выбор, и он ответит перед Высшим судом. А как поступать людям простой веры? Предпочесть рай на земле и ад на Небесах, или ад на земле и рай на Небесах?

2

В некоем древнем государстве царь обязал крестьянско-

товодов доставлять в монарший хлев одну вторую часть всякого приплода. То есть, половина родившихся у крестьян верблюжат, жеребят, осят, телят, ягнят и козлят принадлежали самодержцу. Таков был суровый устав края. Несладко приходилось труженикам нести грабительскую повинность, и в душах людей наливались и зрели тяжелые гроздьи гнева.

Царь не мог понадеяться на послушание скотоводов. Поэтому он возложил на жителей одной из деревень почетный долг – служить ему в качестве сборщиков мычащей, ржушей и блеющей дани. Эти назначенцы должны были приводить в царские стойла народившуюся животину. Другая их обязанность состояла в том, чтобы за крестьянскими дворами доглядывать и об утайках докладывать. Царь расплачивался со сборщиками одной четвертой частью доставленного ими молодняка.

Придворные остерегали владыку от потенциальных злоупотреблений в среде подданных, скажем, стоворов меж скотоводами и сборщиками. Дескать, у всех у них на языке “польза казны”, а на уме “пирог с казенной начинкой”. Талантливейший из царедворцев предложил монарху эффективное средство борьбы с коррупцией.

Идея состояла в следующем. Сперва придворный живописец создал сложный рисунок, столь изощренный, что по-

вторить его не представлялось возможным. Затем, на основе уникального изображения, дворцовые кузнец и чеканщик изготовили железное клеймо, которым выжигали рисунок на теле всего молодняка, доставляемого в царские стойла с крестьянских дворов. Только после осуществления сей огненной процедуры, сборщики могли забрать свою долю. Таким образом, в их руки попадал лишь клейменный скот. Антикоррупционный инструмент хранился за семью замками и под надежной охраной.

Хранитель казны имел обыкновение назначать внезапные ревизии, и тогда сборщики должны были представить ему для подсчета своих животных. Бude число последних в точности равно четверти доставленного в царский хлев молодняка, и этот отрадный факт свидетельствовал о честности тружеников надзора. В случае если скотина пала, сборщик предъявлял подтверждающий документ от государственного ветеринара. Ну, а превышение над одной четвертью было попросту невозможно, ввиду недоступности и уникальности клейма. Возращивание неклеяемых четвероногих преследовалось полезной государственной бюрократией.

Крестьяне были бессильны против замысла хитроумного царедворца. В гуще народа нашелся молодой смельчак, не желавший мириться с кривдой. Он замыслил поджечь деревянную сборщиков, полагая таким способом избавиться себя и сво-

их товарищей от бедствия непосильной дани.

Царская тайная служба безопасности напала на след злоумышленника, он был арестован и заключен в тюрьму. Вечно нуждающийся в деньгах монарх не казнил бунтовщика, а назначил огромный выкуп за его освобождение, надеясь на народную солидарность. Однако обираемые царем крестьяне никак не могли собрать нужную для выкупа сумму.

Из-за тюремной решетки разбойник продолжал грозить, что, выйдя на свободу, обязательно осуществит свое благонамерение. Отсюда ясно, что сборщики были крайне заинтересованы в надзоре за крестьянской животиной, дабы скотоводы не могли бы выбраться из скудости и не освободили бы героя-поджигателя.

Поначалу самодержец с сомнением встретил идею умнейшего из царедворцев. Причиной неуверенности явилось остережение придворного мудреца. Духовный ментор монарха заявил, что вместе с практической эффективностью метод несет в себе богоотступнический потенциал.

И в самом деле, Священное Писание требует от смертного искоренить из сердца всякую страсть к чужому добру, а что касается домашних животных, то об этом в Книге прямо сказано: "...не домогайся ни быка, ни осла ближнего твое-

го...”

Созданное царем положение, по существу закон, толкало сборщиков к невольному домогательству быка, осла и прочей чужой скотины. И действительно, с одной стороны, надзиратели не могли позволить скотоводам разбогатеть, дабы те не освободили своего дружка. С другой стороны, сумеи они сами выкупить бандита и тут же убить его, они бы отвели от себя угрозу и освободились бы от вынужденного стремления к чужой животине. Однако коварство клеймения и ревизий, а также мягкое зло бюрократии не позволяли им накопить средства.

Царское установление явно противоречило закону Господа. “Как оправдаешься на Небесном суде, владыка?” – вопрошал царя придворный мудрец. Однако соображения сиюминутных выгод взяли верх над царем, и он не прислушался к словам своего духовного наставника.

3

Как уже известно читателям моих рассказов, я нередко спускаюсь с Небес на землю. К этому меня побуждает то веление Всевышнего, то просьба коллег-ангелов, то личная инициатива, то... да и мало ли что еще – всего не упомнишь!

Вот как-то зашел в мой земной апартамент некий человек, показавшийся мне невежей. Не поприветствовал хозяи-

на, уселся на лавку без приглашения, уставился на меня бесцеремонно. Все-таки Сатан перед ним, надо бы и приличия соблюдать! Одежда на нем стояла коробом, но сшита была из добротной ткани. Лицо грубое, словно топором вырублено. Я подумал, должно быть, род занятий у него суровый, не склоняет к нежничанию. Он молчал, и я молчал.

– Я – Боаз, – наконец вымолвил гость.

– Я – Сатан, – в тон лаконично произнес я.

– Я мучаюсь неизвестностью, поможешь мне?

– Смогу – помогу, – ответил я неохотно, ибо к мученикам всегда относился с подозрением, – выкладывай, Боаз, свое дело.

Боаз был одним из царских сборщиков – собирал дань со скотоводов, получал свою клейменую долю, дрожал от страха перед мстью разбойника.

– Я исполняю царский закон, но нарушаю заповедь Господа, – сказал Боаз, – правильно ли поступаю я? Что ждет меня, ангел небесный?

– С мудрецами советовался? – спросил я.

– Советовался. Всех мудрецов в нашей деревне обошел. Лицемерны они и трусливы. Не отвечают прямо. Хотят быть и Богу свечкой, и царю елеем. На тебя надеюсь, Сатан.

– Догадываюсь, Боаз, что ты не хуже меня знаешь: законы Господа превыше царских.

– Знаю. Есть у меня надежда на спасение?

– Есть, Боаз. Надежда твоя – это чудо. Если окажешься в раю, стало быть, чудо не обошло тебя стороной. А иначе – сам понимаешь! А теперь ступай!

Не жаль мне было Боаза. Не сомневался я, что ожидают его адские муки. И поделом. Не сочувствую я нарушителям законов Божьих.

Раз сидели мы втроем под грушевым деревом – я, старший над раем ангел Михаэль и владыка ада ангел Насаргиэль. Слово за слово, и вспомнил я про давнюю встречу с царским сборщиком. “Скажи-ка, Насаргиэль, как себя Боаз чувствует, терпеливо ли муки принимает?” – спросил я владыку ада. “Нет у меня никакого Боаза!” – ответил Насаргиэль. “Боаз у меня! – воскликнул Михаэль, – усерднее всех учит Священное Писание, не иначе, был за ним какой-нибудь гре-

шок на земле, да простил его Господь!”

Удивленный, я стал рыться в архивах заседаний Высшего суда. Я обнаружил, что в день прибытия Боаза на Небеса, заседание было отменено Господом, ибо Он созвал судей к себе на совет. У нас действует правило: в день, когда суд закрыт, все прибывшие на Небеса направляются в рай – уж лучше пусть грешнику повезет, нежели праведнику терпеть муки.

Оправдалось мое предречение Боазу о чуде. Теперь вспомним, о чем мы говорили выше – Творец на короткое время может изменить привычный ход вещей, то бишь естество, и тогда происходит невероятное. Осознание вины царским сборщиком настроило Господа в пользу смертного, и Он призвал к себе Высший суд как раз в день кончины Боаза, и, благодаря сей уловке Творца, свершилось чудо.

Верить верь да проверь

1

В жизни земных обитателей великую роль играют традиции. В настоящем рассказе я не намерен говорить о пользе этого феномена. Выгоды от следования устоям и без того несомненны, очевидны, и я бы даже сказал, что, иной раз, они колют глаз. Лучше я укажу на обратную сторону медали и назову два изъяна, исконно присущих соблюдению неписаных законов.

Во-первых, доверие людей к традициям и слепое следование им атрофируют нюх к новому и прогрессивному. Уклонение же от прогресса означает деградацию. Во-вторых, усыпляющая сила обычая притупляет бдительность даже самых чутких двуногих, и они становятся неспособными предвидеть бедствия стагнаций всех родов.

Мне, Сатану, претят умозрительные рассуждения. Я люблю выражаться конкретно, чтобы даже самые неразвитые из вас, дорогие мои читатели, запросто понимали мои мысли, отдавали должное их пронизательности, и, конечно, соглашались со мной.

Вот я говорю о слабости человеческой, но ради торжества истины не стану скрывать, что даже ангел Господень иной раз подвержен гипнотическому действию традиции. Да-да, я имею в виду самого себя, свою давнюю ошибку, источник и причину моих огорчений по сей день.

“Так о какой же такой традиции ты говоришь, Сатан? Скажи, наконец!” – возвысит голос читатель, проявляя справедливое нетерпение. Отвечаю. Я понимаю принятую у нас на Небесах и известный землянам стародавний обычай принимать к рассмотрению рекомендательные письма от мудрецов, посылаемые ими вдогонку почившим навеки. Высший

суд, определяя, где пребывать усопшему – в раю или в аду – всерьез относится к мнению смертного. Но разве всевидящему воинству Господню, сверху глядящему на земные дела, требуются подсказки? Да и кто поручится за добросовестность человеков?

Теперь пришло время оставить в стороне утомительные абстракции и перейти к обещанной конкретности.

2

Жил в одной деревне простой парень, крестьянский сын, и звали его Урия. С юных лет он влюбился в бедную соседскую девушку по имени Батшева, сиротку, пригретую милостью родичей. С тех пор как полюбил, не мыслил Урия судьбу свою без Батшевы.

Пришел срок, и престарелые родители Урии решили, что пора женить отпрыска. Люди простые, но душевные, не пошли они против сыновнего сердца и позволили Урии взять в жены сироту-бесприданницу. Помогали молодоженам старики, насколько хватало их угасающих сил, да могли-то они совсем мало. Вскоре смерть забрала их чистые души. Урия с Батшевой жили теперь втроем – он, она и любовь.

Бедность толкнула Урию на поиски места наймита. Он нашел богатый дом в ближайшем городе и нанялся к хозяину на год. По уговору ел труженик с хозяйского стола, одежду

для работы дал ему наниматель – свою, старую, а спал Урия в сенях. По прошествии года хозяин должен был расплатиться с Урией и отпустить его. Поскольку деревня располагалась близко к городу, Батшева навещала мужа, да и Урия навещался домой, когда позволял наниматель. По прошествии нескольких счастливых месяцев, Батшева сообщила Урии на ушко радостную весть.

Какую только работу не исполнял Урия у хозяина! Сеял, косил, полол, молотил, стриг овец, доил коз и коров, изготавливал творог и сметану, сбивал масло и, наконец, обихаживал хозяйских малолеток. “Всякое умение – мне на пользу, – радостно думал труженик, – вот закончится год, получу хорошие денежки, и вернусь домой к Батшеве и младенчику нашему, заведем хозяйство – то-то заживем!”

Хозяин, человек просвещенный и обходительный, прекрасно относился к работнику. Кормил сытно – обильные остатки семейного обеда со щедростью отдавал трудяге. Поскольку любил наряжаться, заменяя новое на новейшее, часто баловал Урию почти неношеным платьем. Незаметно за работой пролетели дни, окончился трудовой год, и явился Урия за расчетом.

Договор у хозяина с работником был цивилизованный – расплата не щелками в лоб нанимателю, а денежками в кар-

ман наемнику. Случилась, однако, непредвиденная Урией пренеприятнейшая история.

– Спасибо тебе за стол и дом, а я пришел за положенным мне! – весело начал Урия.

– Извини, дружище, нет у меня денег, – жалобно произнес хозяин.

– То есть как это – нет? – спросил ошарашенный Урия.

– Потратился. Сам ведь знаешь, как трудно мне деньги достаются. Да и дорого все.

– Нет денег – расплатись со мной зерном!

– Милый ты мой, где ж я зерна-то тебе возьму? Урожай выдался беднейший! – утер набежавшую слезу наниматель.

– Корову или коз отдай! – всерьез рассердился Урия.

– Да ведь у меня семья огромная, семеро по лавкам! Без молока оставить деток? – всхлипнул хозяин.

– Нарезь мне надел земли! – в бешенстве вскричал Урия.

– Да земля-то больше не моя! Заложена-перезаложена! – простонал хозяин и горько заплакал.

Вымолвивши это, наниматель бросился к Урии, попытался его обнять, дабы пожалеть беднягу и получить от него свою долю сострадания, а тот отшвырнул обманщика, и вышел, громко хлопнув дверью.

3

Батшева успокаивала, как могла, сокрушенного неудачей Урию. Ласковое слово хоть и не великая подмога, а всегда к месту. От пустяка унываем и пустяком утешаемся. “Правда на твоей стороне, любимый, – говорила жена мужу, – у тебя есть верный защитник. Возвратись в город, явись к главному мудрецу, и он рассудит дело по Книге, и принудит хозяина заплатить!” И поступил супруг по совету супруги.

На подходе к цели заметил Урия, что вышел из дома мудреца бывший его наниматель. “Побывал он там вперед меня. Дурной знак!” – подумал Урия.

Мудрец принял Урию приветливо, говорил с гостем уважительно, ровно прежний хозяин.

– Я честно трудился, и положена мне законная плата, но не желает рассчитываться со мной наниматель, – воскликнул Урия.

– Возможно, Урия, положено тебе кое-что, но вопрос сей сложный, не однозначный, – заметил мудрец.

– Сказано же в Писании, мол, нельзя задерживать мзду наемнику, ведь беден он, и ждет платы душа его! Не так ли, мудрец?

– Похвально, Урия, что ты немного из Книги знаешь, хоть и не вполне точно. Однако Писание затейливо устроено. Чтобы правильно понимать его, кроме гибкого ума и глубоких знаний, честность и добрая воля требуются, ибо найдешь в нем основание любому на свете делу.

– Да ведь мое-то дело – простейшее!

– Давай разберем. Для начала спрошу тебя, знаешь ли ты, что бывший твой хозяин – человек милосердный и щедро жертвует на вдов и сирот?

– Впервые слышу. Ну, допустим. И что же?

– Позволь и мне, Урия, дерзнуть, да воспользоваться скромной ученостью моей, – сказал мудрец, – прописано в Книге: “Никакой вдовы, ни сироты не притесняйте”. Это ведь Господа завет! А кто нарушит его, на того возгорится

гнев Божий!

– А к моему делу это разве имеет касательство?

– А разве нет? Ведь Батшеву ты сиротой в жены взял! Кому, как не тебе, ценить благотворительность?

– Бедняжка Батшева милостью родичей жила, своего куса не имела и гроша благотворительного не видала!

– Ах, Урия, оставим мелочи житейские! Беседа наша о высоком, о духовном. Раскинь умом, куда ты метишь? Задумал обобрать до нитки, по миру пустить человека огромной души, милосердного к слабому, радетеля справедливости? Кабы лучше знал ты Писание, вспомнил бы, как некто алчный и жестокосердный отнял у соседа единственную овечку. Разоряя хозяина, ты обрекаешь на голодную смерть несчастных вдов и сирот! Не боишься греха?

– Извратил ты притчу, наизнанку вывернул! Прощай! – в гневе вскричал Урия и стремглав вышел.

“А ведь знает, плут, что в Книге написано!” – подумал мудрец, спровадив непрошеного гостя.

Повесивши голову, вернулся домой Урия. “Не отчаивай-

ся, сердечный ты мой, – успокоила мужа Батшева, – отправляйся к Сатану, он непременно поможет. А если и нет – тоже не беда! Проживем и так. Трудиться будем, деток народим, и любовь меж нами – вот что главное!”

Пришел ободренный Урия ко мне за правдой. Выслушал я его, выразил искреннее сочувствие, но вмешиваться не стал. А зачем? Ненавязчивость – лучшее утешение. Правда его яснее ясного, а грех хозяина – вопиёт. Стало быть, нет сомнения, что, если праведную жизнь проживет Урия, то ждет его место в раю, а нанимателю пора подумать об адских муках. Я присоединился к оптимизму Батшевы и напутствовал гостя: “Трудитесь, любите, деток рожайте!”

Урия прожил жизнь праведником. Вышло же, однако, что очутился он в аду, а наниматель его – в раю! А причиной тому стала рекомендация известного уже нам мудреца, которую принял во внимание Высший суд. Вот оно, действие скверной стороны традиции! А я-то где был? Понадеялся на наше Небесное нелицеприятие. Не проверил. Горе мне!

Два из трех

1

Мне доводилось слышать упреки в якобы предвзятом отношении к мудрецам. “Сатан, а ведь ты пристрастен, и не ценишь по достоинству знатоков Книги и наставников юношества!” – так говорили и по сей день говорят мне некоторые

читатели моих опусов. Уверяю всех, кто держится подобно-го странного мнения – оно ошибочно. Да, порой я произносил критические, а то и насмешливые слова в адрес достойнейших из двуногих. Однако справедливая критика отдельных частных недостатков не есть основание для далеко идущих обобщений. Если даже я, ангел Господень, совершал на тернистом своем пути ошибки, то чего уж ожидать от смертных? А ещё добавлю: иной раз скажешь что-нибудь этакое – так ведь ради красного словца! Спешу успокоить всех ревнителей чистоты репутации мудрецов: ложка смеха не портит бочку глубокомыслия!

Надеюсь, настоящий рассказ подтвердит мою абсолютную беспристрастность. Я поведаю историю одного достойного мудреца, его не менее достойного сына и тоже мудреца. Я представлю оку читателя прекрасные дела династии, ее возвышенные, а также простые человеческие желания и бескорыстную борьбу за их воплощение.

Один небольшой и, казалось бы, малозначительный город славился на все царство своим домом учения. А как рождается добрая репутация питомника знаний? Имя ему создает учитель – центральная фигура любой школы.

В доме учения упомянутого городка таковой фигурой был мудрец Авраам. Человек сей весьма гордился своим именем

– ведь так звали праотца всего народа! Личного вклада в это совпадение мудрец не внес, зато все прочие и, притом, немалые числом заслуги наставника являлись следствием его трудов, ума и праведности. Памятуя, сколь много имя красит человека, Авраам и сына своего единственного назвал подобающе – Ицхак. В дальнейшем мы встретим еще несколько фактов сходства нашей истории с перипетиями Священного Писания.

Авраам уже несколько лет как овдовел. Разумеется, деятельные руководители общины, а также профессиональные сваты не оставались равнодушными к неженатости главы дома учения. Ведь одинокая жизнь зрелого мужа есть, с одной стороны, явление нездоровое, а, с другой – источник превратных мнений.

Не раз и не два получал Авраам предложения доброжелателей о достойных партиях. Доброхоты подыскивали невест среди солидных матрон, вдов со стажем, женщин немолодых, но обеспеченных – дабы жених не вступил на тонкий лед мезальянса. Авраам со вниманием рассматривал проекты, но упрямо не принимал их, всякий раз приводя резонные доводы. Из побуждений эстетических он втайне мечтал о цветущей, молодой и красивой особе и терпеливо ждал благоприятного случая. Ханжа тот, кто осудит его.

Ицхак познавал Священное Писание в доме учения своего отца. Сын перенял от родителя пронизательный ум, трудолюбие и тягу к знаниям. Следует заметить, что, штудирование Книги заслонило для Ицхака свойственные молодости романтические устремления. Казалось, он не был озабочен своим затянувшимся холостячеством. Впрочем, нельзя назвать Ицхака совершенным сухарем – в сердце парня тлел уголек приязни к соседской девушке Ривке. И, буде обстоятельства не потребовали бы от него чрезмерного отвлечения от учебы, он, пожалуй, женился бы на Ривке. Но одно прискорбное происшествие, случившееся с девицей, решительно повлияло на ход событий. Об этом я сообщу читателю ниже.

Авраам имел три желания в жизни. Во-первых, он хотел, чтобы Ицхак непременно унаследовал его ведущую роль в доме учения и стал бы великим толкователем Книги, не уступающим, а, лучше, превосходящим мудростью родителя. И эта цель казалась Аврааму самой реальной. Во-вторых, Авраам желал видеть сына женатым. Ведь у Ицхака нет ни братьев, ни сестер, и если не произведет он на свет деток в лоне собственной семьи, то после смерти отца останется бедняга без кровной родни, лишь наедине со своею ученостью, а этого мало даже для мудреца. И, наконец, в-третьих, Авраам мечтал жениться сам, но именно так, как задумал.

В краю, где происходили события моего рассказа, находился особенный поселок, в котором жили язычники. Люди эти привносили известное оживление в мерное существование обывателей города. Язычники шалили на дорогах, то бишь грабили путников, отнимали лишнее у богачей, торговали краденым. Важной статьёй их дохода служили выкупы за похищенных городских девушек.

Налетчики вели дела абсолютно честно в том смысле, что не причиняли пленным девицам того вреда, о котором, возможно, некоторые читатели подумали. Получив выкуп, похитители возвращали добычу в целости и сохранности. Хотя факт сей был многократно проверен и удостоверен, но всё же инерция людских предубеждений иной раз отрицательно сказывалась на брачной судьбе девицы. Важно заметить, что к порядочному деловому партнерству идолопоклонников подвигали отнюдь не соображения морали, – какая уж у язычников мораль? – а прагматический интерес, ибо за испорченный товар плату не получить!

Как-то раз Ривка пошла по воду к колодцу, что на городской окраине. Смеркалось. Вокруг ни души. Тут выскочили из-за темных кустов двое мужчин-язычников. Скрутили бедную Ривку, засунули ей в рот платок, чтоб на помощь не звала, уложили бедняжку, связанную по рукам и ногам, на телегу и увезли в свой поселок. Поместили ее в тайное убе-

жище, развязали, посадили к огню. Тут же явились жены и сестры разбойников, стали утешать горемычную, слезы ей утирать, приготовили ужин для пленницы. Утром город облетела весть: похищена Ривка, спрятана в надежном месте, и выкуп за нее такой-то.

Авраам, обдумывая новость, пришел к заключению, что судьба доставляет ему случай осуществить одно из трех его желаний, а именно, женить Ицхака. И в самом деле, он знает о чувстве сына к Ривке, он выкупит девицу и женит на ней парня. Тот не станет кобениться – не пропадать же деньгам! Да и отец невесты обрадуется возможности сбыть дочку с рук.

– Поди-ка сюда, Элиезер! – призвал Авраам служку дома учения.

– Вот я! – воскликнул послушный Элиезер.

– Бери этот мешок с золотыми монетами, отправляйся в языческий поселок прямо к главному начальнику, или идолу, или как его там величают – не знаю. Отдай ему золото и привези мне Ривку в добром здравии.

– Слушаюсь, Авраам! Учти, однако, разбойники возвращают девицу только для благородной цели. Коли спросят ме-

ня, зачем мне Ривка понадобилась, что ответить?

– Скажешь правду! Мол, хочет ее взять в жены мудрый Ицхак, сын мудреца. Это ли не благородная цель?

– Хорошо. Но язычники могут возразить, мол, у вас в городе полно людишек косных, отсталых, живущих предрассудками. Таковые не одобряют сына мудреца, если возьмет он в жены девицу из наших рук, хоть и безукоризненно чисты они. К тому же Ривка – девушка стеснительная, застыдится возвращаться в свой город, после того как у нас побывала. Лучше будет, если Ицхак приедет к нам в поселок, женится тут, и у нас и жить останется!

– Ни в коем случае, Элиезер, не соглашайся на такое! – гневно вскричал Авраам, – не поедет Ицхак никуда, я свое место главы дома учения предназначил ему в наследство! Если заупрямятся язычники – удвой плату, но Ривку мне доставь сюда!

Через неделю въехали в городские ворота два человека, каждый верхом на осле. Первым был сияющий Элиезер, за ним – счастливая Ривка. Встречали их радостные горожане. Из толпы вышел отец Ривки, расцеловал дочку и приготовился вести ее домой. Авраам же пожал ему руку и многозначительно подмигнул.

Авраам призвал к себе Ицхака: “Привезли тебе невесту, женись сынок. Я знаю, ты не равнодушен к Ривке!” Оторвался Ицхак от Писания и ответил: “Отец, а вдруг в пути Элиезер причинил ей что-нибудь? Да и правильно ли будет, мне, наследнику твоему, жениться на девушке, побывавшей у разбойников? Люди не поймут, отвернутся от меня!”

Поначалу приуныл Авраам. “Может, прав Ицхак? – думал он, – вот и Элиезер о том же толковал! Однако если вникнуть, нет причин для меланхолии, ничего худого не случилось. Наоборот! Выполнена святая наша заповедь – девушка спасена из плена. Сын стоит на страже своей и семейной чести. Радоваться надо! Вот только выкуп мне недешево стал...”

Истинный мудрец, глубоко понимающий Священное Писание, не теряется даже в самых трудных жизненных ситуациях. Он тонко анализирует, умело предвосхищает, принимает смелые решения. Способность повернуть дело в свою пользу – важное достоинство человека практического и одновременно благодетельствованного ясным умом и наделенного глубокими знаниями.

Авраам направил стопы к Ривкиному отцу и изложил ему свой, по существу, простейший план. Он сам женится на

Ривке. Девица она молодая, цветущая, красивая видом – разве не о такой невесте он мечтает в затянувшиеся дни томительного вдовства?

“Задумка твоя хороша, – ответил завтрашний тесть превосходящему годами будущему зятю, – благородный твой помысел мне понятен, да только не повредят ли твоему добродушию имени разговоры заспинные, дескать, мудрец-то наш – сластолюбец бессовестный, молодку взял? Преступление в самом себе уже содержит кару. Сам ведь знаешь наших человечков!”

На резонный вопрос Авраам откликнулся вдумчиво да серьезно, чтоб дошел его ответ до отца невесты: “Мудрец не поступит опрометчиво, ибо мудрость суеты не любит. Видит око далёко, а ум еще дальше. С супругой вместе покинем наш город и уедем в другой. Провожают по женушке, а встречают по уму. На новом месте возглавлю дом учения. Ступай, обрадуй Ривку, приготовь ее к семейному счастью!”

Как задумал Авраам – так и вышло. Женился он на молодой, да красивой и уехал в другой город. Школяры тамошнего дома учения с радостью приняли нового наставника, а все обыватели так радовались прибавлению мудрости в их стороне, что никто не придал значения странному обстоятельству, побудившему Авраама покинуть родные стены.

Ицхак по праву занял место отца. Духовно он созрел для несения многосложного бремени судьи, ментора, утешителя. Что касается Элиезера, то он продолжил добросовестно трудиться в привычной для него роли служки под началом нового мудреца.

Теперь, благодарные мои читатели, подведем итог. Как вы помните, у Авраама было три желания: передать свое академическое и нравственное наследие Ицхаку, женить сына и жениться самому. Два его желания из трех осуществились, и этого вполне довольно, чтобы рассказать вам сию правдивую историю. Бог даст, и женится Ицхак, и исполнится третье желание Авраама, и об этом счастливом событии я непременно извещу вас.

Обложка оформлена автором с использованием стандартных средств Word, а также бесплатного изображения с сайта pxhere.com

лицензия ССО

ссылка на изображение: [https://pxhere.com/ru/photo/32387](https://pxhere.com/ru/photo/HYPERLINK \)